

Йонард

Александр Тестов

Тень Орла

«Автор»

2011

Тестов А.

Тень Орла / А. Тестов — «Автор», 2011 — (Йонард)

Йонард. Германец. Воин. Бывший римский легионер. В настоящее время, после крушения Рима, вольнонаемный. На сей раз судьба приводит его в древний город Акра, где боги уже приготовили ему массу интересного... Йонард оказывается втянут в дворцовые интриги, где каждый неверный шаг – смерть, а каждое лишнее слово – петля. Но это все игра с мелкими ставками. Главный козырь – армия степных воинов-скфарнов, которая уже собралась в кулак и идет к Акре...

© Тестов А., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Пролог	5
Глава первая	9
Глава вторая	20
Глава третья	38
Глава четвертая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Александр Тестов, Татьяна Смирнова

Тень Орла

Пролог

Иногда нам снятся странные сны: совершенно нереальные, но необъяснимо, тревожно яркие... Проснувшись после таких запредельных видений, мы долго заново привыкаем к тому миру, который уже набил нам оскомину... и вдруг понимаем, что привыкнуть невозможно. Жизнь изменилась, и какая-то часть нашего сердца теперь навсегда принадлежит тому тревожному сну, который заставил его дрожать и замирать так страшно, так сладко!

...Акра. Как и в любом приморском городе, здесь перемешаны тысячи запахов и звуков. Не всегда приятных и полезных. Разноязычная речь, нередко переходящая в ругань, шум прибоя и стон снастей, крики морских птиц и тошнотворная масса гниющей рыбы, в которой копошатся черви и личинки, а над всем этим жужжат огромные черные мухи.

Смуглые от загара, въевшегося не просто в кожу, а и в самые кости, люди неутомимо складывают в утробы одних кораблей тюки золотистого шелка, мешки с кофе и чаем, шкуры животных, а из других выносят на берег огромные свертки тканей, оружие и вина. У причала – грудой некогда цветные паруса: сейчас они больше похожи на вылинявшие свитки сборщика податей, чем на большие и прекрасные крылья кораблей.

Акра – город торговый. Больших и маленьких лавчонок здесь, кажется, больше, чем самих жителей, да и заезжих покупателей, вместе взятых. Самую большую торговлю ведут, конечно, еверы. Терпеливо, до позднейшей ночи, не гасят они фонарей в своих закутках, и не напрасно. Точно так же не напрасно не задувают огонь в очагах всю ночь напролет в домах, сложенных из крупных известняковых глыб. Некоторые из этих внешне совершенно неподвижных и совершенно одинаковых глыб время от времени приходят в движение, совершая оборот вокруг своей оси. «Прибыл товар» – говорят они тому, кто умеет читать, нет, не книги, не древние письма, а следы на воде да светящиеся строки звездных карт.

Это наверху, на земле.

А под землей оживает скрытый от посторонних глаз город-лабиринт, родной приют всех свободных торговцев побережья. Под Акрой и двумя хребтами, защищающими ее от злых северных ветров, переплелось бесчисленное множество подземных ходов, выбитых в серовато-желтом камне. Эти ходы тянутся на сотни лиг. Наверное, есть на земле (или под землей) тот, кто знает весь этот лабиринт, как свою ладонь. Только этот кто-то о своем знании помалкивает. А прочие знают лишь то, что им положено знать, и не больше того.

Во все времена, одним упоминанием о себе, каменоломни наводили страх на местных жителей. А каждый новый правитель, вступающий на престол, клятвенно обещал «замуровать все ходы и выходы из этих подземных ульев, дабы не вылетали оттуда, яко жалящие осы, бесчинствующие орды разбойников. А если кто сделает пролом в подземный город, то перед этим проломом должно его убить и закопать». Однако дальше слов обычно дело не шло. То ли контрабандисты были так хитры и изворотливы, то ли доходы их каким-то непостижимым для простого смертного образом пополняли казну если не самого правителя, то ближайших его помощников. Военачальники, жрецы и сановники годами сетовали на вольных торговцев, и точно так же, годами, не могли разыскать ни одной «норы». И такое положение всех устраивало.

Днем же и гавань, и город, залитые ярким солнечным светом, казались совершенно безобидными, по-детски простыми и беззаботными. Маленькие серо-желтые домики, раскиданные среди множества холмов, кое-где прорезанных острыми зубцами скал, оплетали, соединяя вместе, сотни узеньких улочек-тропинок. Все это шумное, как птичий базар, человеческое

поселение нависало над гаванью и городским рынком, который, в свою очередь, разноголосицей и разноцветьем мог поспорить и с тем и с другим.

Выше, у самого подножья гор, расположились совсем иные строения. Их уж никто, даже самый взыскательный из всех путешественников, когда-либо сходявший с палубы на эту землю, не назвал бы домами. «Дом» – это слишком короткое слово, чтобы обозначить все, что видел глаз. Это были, вне всяких сомнений, дворцы – дивные творения архитекторов и мастеров, чертоги правителя и его приближенных. Белоснежные стены и круглые, прямые колонны, державшие плоские крыши, скрывали от иссушающих лучей южного солнца густые заросли караганника и калютей с возносящимися над ними прямо к выпцветшему небу кронами шелковиц. Хотя блеклым небосвод казался только над крутыми склонами холмов. А над гаванью, над всем видимым глазу простором моря перемешивались, перетекали друг в друга все оттенки мягкого зеленоватого цвета и бледной синевы.

В этих краях море переменчиво: то искрится бирюзой в лучах теплого солнца, то хмурится, темнеет и начинает волноваться, то, вздымая свинцовые волны до крыш, грозит гавани и поселению. Все знают: море – это и первый друг человеку, и раб его, и безжалостный владыка. Только от ветра, волн, да силы и сметливости мореплавателей зависит, будет ли груз доставлен вовремя и именно туда, куда нужно. Здешним жителям лодка под парусом все равно, что иным – легконогий аргмак.

Когда-то на западную оконечность этого полуострова, пройдя через преграды подводных рифов, высадился вождь по имени Бальдр со своей командой. Люди они были отчаянные и о том, что такое страх, знали лишь понаслышке. Плыли они завоевывать новые земли, чтобы расширить свои владения и пополнить и без того значительные состояния. После долгих дней пути, когда уже подходили к концу запасы пищи и пресной воды, однажды на рассвете они выловили в воде сломанную зеленую ветвь. Листья на ней не были похожи на те, что росли в их родной стране. И вот, наконец, во всем блеске яркого солнечного дня, показался им скалистый, на вид неприступный берег. Вершина его, которую венчали два горных пика, сплошь была покрыта буйной растительностью. Склоны круто обрывались в море и были источены стремительными течениями. Торчавшие из воды, темные, от постоянно перекатывающихся через них волн, осколки камней, видно, тоже некогда были частью скалы. Они-то и не позволили мореплавателям пристать к берегу. Смелчаки спустили парус и на веслах, несколько раз едва избежав гибели, все же смогли отыскать место, где можно без опаски высадиться на сушу.

Через несколько лет здесь было уже большое поселение. Народ, приставший к Бальдру и его воинам, был под стать первопроходцам: смелый до жути и отчаянный до безумия. Предводитель, ставший правителем поселения, на диво быстро находил общий язык с вновь прибывшими, на каком бы из известных или неизвестных ему наречий они не объяснялись. Его сподвижники стали первыми сановниками при дворе.

Город вырос, разбогател и заставил о себе говорить – причем говорить почтительно – на диво быстро. И это притом, что ни в какие боевые походы Бальдр не ходил, да и крупные морские сражения были здесь не в чести. Росли дома и домики, превращаясь в великолепные дворцы, украшенные арками, колоннадами, открытыми галереями и подвесными мостами, вздымали в напоенный ароматами роз прозрачный воздух алмазные струи фонтаны. Желтые камни, синие тени, узоры трещин на старых стенах... сюда не долетал шум из гавани. Здесь царили тишина и покой.

Правитель, пришедший из-за моря, умер, не оставив наследника.

Возложив тело своего предводителя на огромный деревянный помост, его друзья зажгли факелы, стоя по обе стороны от неподвижного тела – и как будто странная, неправильная заря разорвала вечерний воздух. Он невыразимой быстроты его течения звезды словно дрожали на ветру, но факелы не гасли. Молча и слаженно, как один, люди подняли их вверх, сомкнули над телом умершего и опустили вниз. Погребальный костер запылал на вершине того самого

утеса, который они увидели первым, достигнув этой земли. Будто в ответ на прощальный зов костра море откликнулось, зажигаясь где-то в потаенных своих глубинах мерцающим холодным пламенем, белым огнем. Море цвета звезд прощалось со своим братом. Белые птицы с черной каймой на огромных крыльях с тоскливыми криками реяли над скалой, то возносясь без единого движения к звездам, то камнем падая в воду.

По обычаю их земли прах над морем должен был развеять сын вождя, наследник. Костер догорел. По углям пробегали тихие всполохи синего свечения. Все ждали знака. Первым к пеплу протянул руку верный друг и боевой товарищ Бальдра, Атгар. От углей исходил сильный жар, и воин не спешил взять горсть праха. Он поднял голову к луне, протянувшей к ним мерцающую живым серебром узкую тропинку. И вдруг воскликнул: «Смотрите! Белый орел!» И действительно, с заоблачных высот по серебряным нитям лунного света к ним летела огромная птица, окруженная белым сиянием, словно сама объята пламенем, которым горели и небо, и море. Взоры всех обратились к гигантскому орлу. «Вот он, знак!» – громко произнес стоящий рядом с Атгаром Торн. Никто не заметил, как откуда-то сбоку к пепелищу протиснулся чело-вечек и, сделав вид, что взял пепел, схватил горсть сухого песка. «На меня упала тень орла, – заголосил он, – я – наследник! Я – правитель!» Он размахнулся и бросил песок в воздух.

Так древняя легенда объясняет, почему в этом городе почти на десять лет воцарился Кинр, который и воином-то не был, лишь записывал дела прежнего правителя да считал расходы двора. Однако у него хватило хитрости, чтобы внести разлад в жизнь и своих приближенных, и тех, кто стал его подданными. Кинр боялся и не любил море, так же как и тех, кто бесстрашно преодолевал его, по старой привычке заходя в некогда приветливую гавань, чтобы укрыться от непогоды. Он издал указ, который велел высечь на всех каменных столбах у входа на пристань и по окраинам города. По этому указу каждый корабль, заходивший в порт, должен был поделиться большей частью груза с правителем. А тем, кто укрыл груз, и тем, кто помог им в этом – смерть.

С тех пор и стал расти под землей еще один город.

Не чувствуя себя в безопасности, правитель приказал замуровать ходы подземелий, объявив, что отныне клятвой наследников при вступлении в права будет обет: «защита честных, простых людей от морских разбойников», и народ вправе восстать и свергнуть правителя, который не даст такой клятвы.

Было это давно. Не так давно, чтобы не стоило вспоминать, но все же достаточно, чтобы в памяти людей стали стираться кое-какие детали...

Боясь, что не сможет удержать власть, и, опасаясь того уважения, которое уже успел завоевать Атгар, будучи военачальником старого Бальдра, Кинр выгнал его из Акры. Многие считали, что Атгар погиб. Но десять лет спустя в гавань Акры вошли восемь кораблей. Они несли черные паруса с белым орлом, распахнувшим огромные крылья: за ним сияла луна. Атгар вернулся с новой сильной дружиной. Он без особого труда захватил город, изгнав Кинра и его приспешников. Но для того, чтобы узаконить свою власть и не вызвать в народе волнений, Атгар принес клятву: «...замуровать все ходы и выходы из подземных ульев, дабы не вырвались, как жалящие осы...». Как и всякое обещание, данное при вступлении на престол, оно так и осталось словами. Его повторяли вслед за Атгаром все его наследники, ибо он, не в пример Бальдру, позаботился о том, чтобы род его не пресекся во веки, и привез с собой на одном из кораблей жену и сына.

А контрабандисты, помогавшие Атгару, занялись своими привычными делами, торгуя беспощинно по всему побережью и безнаказанно ускользая от любых преследователей в подземные лабиринты города...

Город под городом жив и поныне, хотя вход в него сторожит вечное море. Но если уйдет вода, туда снова могут вернуться люди. А вот города на земле давно уже нет, ветры сровняли

его с поверхностью, и мудрецы спорят о том, был он или только снился одному мечтателю, автору длинейших свитков.

Акра – давний мой сон... который часто приходит ко мне и дает силы. Акра – колыбель страсти моей и спокойствия, мужества и нежности, разума и безумия. Мечта моя... Любовь моя... как же ты далеко.

Глава первая

На горизонте появилась крохотная, едва заметная темная точка. Сперва показалось, что она приближается, и быстро, но через некоторое время Наиль устал щурить светлые глаза.

– Ветра нет, – пробормотал он скорее себе, чем двоим приятелям, расположившимся на перевернутой лодке в тени акации, – даст Хальба, только к вечеру здесь будут.

Он поднес к полным губам молодое кислое вино, сделал глоток, причмокнул. Приятели его с видимым удовольствием повторили приятный ритуал и тоже причмокнули. Чашами им служили арбузные корки. Неподалеку из травы торчали три или четыре бурых холмика. Впрочем, может, их было и больше – высокая трава, тень от акации и безжалостное солнце, бьющее в глаза, мешали рассмотреть их как следует. Да никто и не пытался. Время от времени то один, то другой холмик оживал, приподнимая большие лохматые уши, и черным, влажным носом провожал арбузную корку, небрежно отброшенную в траву, но вскакивать и бежать за ней не торопился. Умные черные глаза, казалось, говорили: «Была нужда плестись по такой жаре и в такую даль... Хозяин и так накормит...»

Черная точка маячила на горизонте, но не спешила расти, превращаться в силуэт корабля. Видимо, гребцы придерживались того же мнения, что и рыжеватые ослики: в такую жару чем меньше суеты, тем тебе же лучше.

Три человека терпеливо ждали.

Внезапно ослики зашевелили ушами, один, самый нетерпеливый, даже вскочил на короткие ножки, похожие на четыре веретена.

Гибкий, словно большая кошка, юноша порывисто обернулся туда, где на порядочном расстоянии от укромной морской бухты взметнулась высоким городским валом вольная Акра, родная мама всех свободных торговцев.

– Ну и шо ты там увидел, Наке? – лениво спросил тощий рыжеватый человечек с жилистой шеей, маленькими темными глазами и кривоватой улыбкой, приоткрывшей парочку выбитых зубов.

– Отряд, – отозвался юноша, вглядываясь в оранжевую дымку, повисшую над дорогой, – человек десять. На конях. На том, что впереди, вышитая безрукавка. Это господин Рифат, дядя Танкар. Бежать надо. Срочно!

Тот, кого юноша назвал Танкаром, неторопливо развернулся, несколько мгновений смотрел на быстро приближавшийся конный отряд, потом пожал плечами и пинком выкатил из густой тени целый арбуз. Старый Наиль вынул из-за расшитого пояса кинжал и неторопливо и ловко пропорол смачно чавкнувшую зеленую корку.

– Дядя Танкар, – заволновался юноша, – они поворачивают к нам!

– Ну и шо? – невозмутимо спросил рыжий, надкусывая сахарную мякоть, – господин Рифат делает свои прямые обязанности – ловит контрабандистов, от которых казне Акры большой убыток. Мы тоже делаем свои прямые обязанности – принимаем товар мимо чиновников господина Рифата, от которых нам, вольным торговцам, тоже большой убыток. И я, и господин Рифат делаем свою выгоду. Так и я тебя спрашиваю, Наке, неужели два человека, которые спокойно делают свою выгоду, станут мешать друг другу, да еще в такую жару?

Словно в ответ на его слова маленький отряд свернул, не доезжая до убежища вольных торговцев какой-нибудь сотни шагов, и по короткой дороге устремился в сторону Акры.

Юноша с недоверием в черных, похожих на маслины глазах проводил отряд городской стражи.

– Шо ты стоишь тут с таким видом, словно я или господин Рифат тебя насмерть удивили? – спросил Танкар, сплевывая черные семечки. – Ешь арбуз, пей вино. С калоши ста-

рого Фасиха лодки спустили. Сейчас грузить будем. Удивляться станешь, когда дело сделаем и деньги получим. Тогда и я с тобой за компанию поудивляюсь...

Только тут юноша увидел, как от большой черной точки отделились две маленькие и по гладкой воде полетели к берегу.

Товар погрузили быстро. Полуголые матросы в широких штанах до колен, обожженные солнцем до цвета новой бронзы, обливаясь потом, перетаскивали из лодок с десятков больших тюков и дюжину тюков поменьше. На берегу Танкар, старик Наиль и юноша проворно оттащили их от воды и пинками подняли разомлевших от жары осликов.

Здоровенный детина с широким, как луна, и плоским лицом, поблескивая лысиной, поманил к себе Танкара. Тот неспешно подошел, вытирая руки о подол длинной белой рубахи.

– У тебя есть верный человек рядом с Рифатом? – спросил тот.

– Как и у каждого вольного, – Танкар пожал плечами.

– Тогда ты, наверное, сумеешь устроить так, чтобы «Дельфина» встретила в порту городская стража.

Танкар внимательно посмотрел на высокого, сильного человека, но переспрашивать не стал. Внезапно тот наклонился к нему и, почти не разжимая губ, быстро проговорил:

– Фасих велел передать тебе: пусть Танкар товар продаст сразу, деньги положит под матрац и сядет сверху. А еще пусть Танкар застегнет рот на три застежки...

Танкар в непритворном удивлении взметнул рыжие брови, но смолчал, что-то соображая про себя.

– Что мне передать Фасиху?

– Передай: Танкар слушал ушами, Танкар сделает.

– Хорошо, – кивнул человек Фасиха и, не прощаясь, отошел.

Когда быстрая, но валкая лодка, подчиняясь мерным взмахам весел, отвалила от берега, Танкар подозвал старика и задумчиво проговорил:

– Фасих хочет, чтобы на «Дельфине» сделали стражу. От таких новостей я сейчас умру.

– От таких новостей мы все сейчас умрем, – хладнокровно отозвался старик, проверяя широкий кинжал за поясом, – но сначала пусть Наке возьмет ноги в руки и бежит до Рифата.

Черная точка на горизонте шевельнулась и медленно поползла в сторону Акры.

В порту царил обычная суматоха. Что-то разгружали, что-то загружали, что-то шумно пересчитывали сразу на трех языках, что-то украли, кого-то поймали и тут же, беззлобно наваливая по бокам, срезали острым ножом прядь волос с правой стороны... У пойманного мошенника волосы срезались слева. Жрицы любви, усталые и вечно недовольные, с неизменными ковриками под мышкой, лениво пихались в толпе, норовя задеть грузчика или матроса полным бедром. Быстрые люди с внимательными, слегка сощуренными глазами ныряли в толпе, рассекая ее, как нож масло. Изредка доносился их торопливый говор, вспыхивали короткие деловитые ссоры без злости и без азарта, толпа их тут же гасила, как волнорезы гасят прибой. Солнечный диск стоял в зените, как улыбающаяся голова рыжеволосого бога Хальбы, покровителя беспошлинной торговли и сделок, заключенных без участия чиновников правителя.

Внезапно что-то случилось. Словно порыв северного ветра налетел с далеких гор идохнул холодом. Пестрая толпа притихла и расступилась. Появился человек. Он был высок и беловолос. Морщины расчертили его темное лицо вдоль и поперек. Он двигался осторожно, опираясь на толстую сучковатую палку, с трудом неся на высохших ногах свое тело, кое-как прикрытое лохмотьями. Под снежно-белыми бровями чернели провалы бездонных глаз. В них не было ни злобы, ни доброты; ни печали, ни веселья; ни гнева, ни смирения – ни одного из знакомых человеческих чувств. В этих темных глазах была Сила. И люди, чувствуя Силу, уступали нищему старику дорогу и бесшумно смыкались за ним, испытывая неловкость и странную боязливость, словно повстречались на узкой дорожке с тарантулом.

Но пропал старик, а с ним пропал и холод. Южное солнце затопило площадь, проникая в каждую щель в темном камне, в каждый лист платана, обволакивая теплом каждую иглу высоких, старых кипарисов, согревая каждого озябшего и приветствуя, как друга и близкую родню, каждую светлую улыбку. То была Акра, город, где говорят: «Пришла беда на двор – сади ее за стол».

В тени олив молодая полная женщина ловко чистила рыбу. Мальчишка в одной длинной широченной рубахе тут же жарил ее, поворачивая над сложенным из камней очагом на длинной оструганной палке. Выброшенные потроха с урчанием растаскивали большие полосатые коты. В жарком воздухе густой волной плыл запах, от которого можно было проглотить язык.

– Ай, как пахнет! Как пахнет в благословенной Акре! – услышал за спиной Танкар. – Можно лишь пить молодое вино и ни разу не закусывать!

Танкар обернулся. К нему проворно проталкивался старый Фрим, тот, о котором ходила молва, что он раза два уже совсем было собрался умирать, но боги не отпустили его, потому что за старика просили слезно семь молодых наложниц... Забавный старик, как всегда, был переполнен новостями и за одну... или, скажем, за пару чашек фалернского готов поделиться ими со всем светом.

Танкар хлопнул его по плечу и улыбнулся своей кривоватой улыбкой:

– Отчего бы не закусить, Фрим? Хальба закуски не запрещает.

Они устроились на плоском камне, нагретом за день так, что казалось, плюнь – зашипит, но сквозь толстую холстину каменный жар был вполне терпим.

Фрим мотнул головой в сторону спокойного моря, где пузатый «Дельфин» неторопливо и важно продвигался в сторону порта.

– Все знают, Танкар ходит ногами, а думает головой... Вот и скажи старому Фриму такую вещь: отчего у Фрима горе, если суп жидок, а у Фасиха – если жемчуг мелок?

Танкар хмыкнул:

– Ты у меня спрашиваешь такую простую вещь, словно сам ни разу не грамотный! Фасих богат оттого, шо за свои кровные никогда не пьет и очень редко ест. А ты, старый пень, беден оттого, шо никак не можешь проводить молодость.

– Ответил ты хорошо и мудро, – важно кивнул польщенный Фрим, – а теперь скажи вот что: люди говорили, что свой корабль ты проиграл в кости северянину. Это правда?

– А люди не говорили, шо спрашивать меня за такое дело до ужина чревато боком? – полюбопытствовал Танкар.

Фрим тихонько хихикнул, но на всякий случай отодвинулся.

– Если северянин его не утопит, у него будет самый быстрый корабль на весь Понт, – проговорил он.

– Он его не утопит, – отозвался Танкар.

«Дельфин» Фасиха величаво входил в порт Акры.

Суматоха на причале возросла, лишь перебросили сходни. Оказалось, что до этого в порту царил сонный покой, и только сейчас жизнь закипела.

Одновременно произошли две вещи: с борта «Дельфина» вымахнул человек в широченный черных штанах и безрукавке на голое тело и, зажав в зубах саблю, крупными махами поплыл к берегу. Десятник пешей стражи, встречавший корабль, тут же отрядил погоню. Люди на берегу заволновались, а неприметный человечек, который только что устроился со своим обедом напротив Танкара и Фрима, в волнении отшвырнул недоеденную рыбу и ввинтился в толпу. Взыли коты, самый быстрый мгновенно сцапал добычу за хвост и взлетел на платан.

– Ставлю десять монет за то, что не доплывет! – азартно воскликнул Фрим.

– Заметано, – отозвался Танкар.

На полпути человек, которого ловили, вдруг забился, ушел под воду и вынырнул уже без сабли. Люди Рифата заметно воодушевились.

– Пятнадцать монет! – взвыл Фрим.

– Принято.

Человек выбрался на берег в районе камней, дал в зубы подлетевшему стражнику, пнул второго, скинув его в воду, встряхнулся, как пес, и ринулся вперед, проломив толпу, словно гнилой забор. В образовавшийся коридор устремилась погоня.

– Давай пятнадцать монет! – Танкар обернулся к Фриму... но того уже и след простыл.

Танкар обвел толпу задумчивым взглядом и неожиданно рассмеялся. Молодая женщина, та, что жарила рыбу и все слышала, поглядела на него с удивлением.

– Приду к нему домой, – давясь смехом, объяснил Танкар, – скажу, давай, Фрим, пятнадцать монет. А он ответит: какие десять монет? Никаких пяти монет я тебе не проигрывал! Ладно... Лувилла, дай ему четыре монеты, пусть подавится своими двумя... А вообще, катись ты со своей монетой...

* * *

Тонга летел по улице огромными прыжками. За спиной слышался топот городской стражи. Саблю он потерял, но даже если бы она была при нем, врагов было слишком много. К тому же, он не имел права умереть, пока не выполнит поручение своего повелителя.

Заросли акации укрыли его ненадолго. Не пробежав и полквартала, Тонга вновь оказался под лучами злого солнца. Узкие боковые улочки манили нырнуть туда и скрыться в их спасительной тени и сонной тишине, но Тонга совсем не знал этот город и боялся попасть в тупик. В его положении, с висящей на плечах стражей, свернуть туда было все равно что самому свернуть напрямиком в городскую тюрьму.

Правда, были здесь еще и таинственные, запутанные и спасительные подземные лабиринты, но попасть туда было труднее, чем на обед к правителю Акры.

Какого-то невезучего торговца боги вынесли не вовремя, да хорошо бы одного, но здешний лукавый бог Хальба распорядился так, что торговец вывел за собой мышастого ослика, запряженного в повозку, груженную связками белых кур. И Тонга с разбегу влетел прямо в эту повозку!

Тележка опрокинулась, ослик упал и обиженно заревел на весь квартал. Полусонные куры сразу ожили и оглушительно заклокотали. Ноги Тонги увязли в жирных тушках, взметнулись белые перья, попали в глаза, в нос... Тонга чихнул, зажмурясь, и тут подоспела погоня.

– Стой! – рявкнул один из стражников, козлобородый человечек с лицом, красным от бега по жаре и перекошенным нешуточным раздражением. Он хватал себя за бедро, но сабля сбилась, и стражник никак не мог нащарить рукоять. – Стой, кому говорят!

– А кому говорят?

Тонга огляделся, присел, схватил связанную курицу за мягкую шею и с размаху ударил стражника по уху. Голова с козлиной бородкой мотнулась в сторону, стражник упал на колени, и Тонга добавил сверху той же несчастной курицей, едва не вколотив голову стражника в его же грудную клетку. В воздухе кружилась белая выюга из перьев, за которой скрылись и улица, и Тонга, и избитый стражник. Осел продолжал реветь, хозяин повозки кричал тонко и так пронзительно, что его визг перекрыл даже рев осла:

– Люди! Поглядите, шо они сделали с бедного Шемаха? И на какую же выгоду они меня порушили?!

Тонга на что-то наступил, оно хрустнуло под ногой и брызнуло чем-то липким. Спустя мгновение он понял, что одна из связанных кур снеслась с перепугу и он раздавил яйцо. Грозный топот отставшей погони ворвался в белый туман. Яростные крики совсем оглушили бедного Тонгу. Он не понимал и половины, язык, на котором говорила Акра, не был ему родным...

Он вдруг сообразил, что курица, которой он отбил от козлобородого, мертва, и отстраненно пожалел бедную, ни в чем не повинную птицу.

Тонга не помнил, как в его руке оказалась сабля стражника и как он ударил выросшую перед глазами фигуру. Ударил плашмя, зная суровые законы Акры, сулящие жестокую казнь за убийство стражника или чиновника. Тот крикнул и сел на мостовую прямо в яичный желток, а Тонга, не помня себя от ужаса, полетел вперед. В спину ему ударили ослиный рев, крик боли, грязная ругань на нескольких языках в адрес несчастного копытного. Тонга бежал так, словно у него на ногах выросли крылья, и по улице, навстречу ему, плыл, густея, сочный запах спелых дынь.

Тонгу спасло чудо. Вернее, дикое упрямство сбитого с толку осла. Рассерженный и напуганный мирный ослик превратился в разъяренного зверя. Он освободился от гнилых постромок, выскочил на середину улицы и с победным ревом встретил подбежавших стражников мощными ударами задних копыт. Те двое, контуженный курицей и тот, кому попало саблей, уже малость очухались и попытались оттащить беднягу... и познакомились с крепкими зубами твари! Да, это был явно не их день.

Хозяин осла не видел и не хотел видеть, что творила его животины. Он стоял у разбитой повозки, перепуганных кур, яичного желтка и оседающих на землю перьев и, хватаясь то за голову, то за сердце причитал:

– И на какое же богатство они меня разорили! И еще хотят, чтобы старый Шемах платил три монеты об городскую стражу! Старый Шемах таки отдаст три монеты, а потом его ждет такое, что это неслыханно!!!

Город, как известно, красят три вещи: красивая река, честный судья и богатый базар. Что до реки, то Акру омывало море, а оно лучше любой реки. Судья здешний был достаточно честен, чтобы ладить со своими клиентами и не морить голодом свою семью, но что до базара...

Ах, кто не видел базара в Акре, тот вообще не видел базара!

Увиденное ошеломило Тонгу.

Торжища Хорасана, Мешхары и Дамаска вмиг потеряли всю свою магию и сделались маленькими и жалкими.

Базар в Акре был огромен.

На несколько лиг тянулись торговые ряды, отрезавшие большую и лучшую часть города от порта. Базар был границей: шумный и неспешный, богатый и нищий, благоуханный и зловонный. Он казался неподвластным ни времени, ни правителю, им правили какие-то свои собственные законы. Изредка его пеструю гладь тревожили «подводные течения», но разобраться в них не смог бы не то что господин Рифат, но и сам рыжеволосый лукавый Хальба.

Базар был сердцем Акры. Кровью ее были бесчисленные караваны навьюченных лошадей и ослов и сгибающиеся под тяжестью чужого богатства вереницы портовых носильщиков, которые базар без усталости втягивал в себя и выталкивал наружу, чтобы расходились по узким улочкам Акры золотые ручейки из темных и сморщенных или белых и холеных рук и наполнялись жизнью бесчисленные лавочки, постоянные дворы, бани, суды, публичные дома и воровские притоны.

Базар давал жизнь Акре. Он был ее неотъемлемой частью, но в то же время существовал как бы сам по себе, власть правителя здесь заканчивалась и начиналась власть Хальбы, которому некогда был посвящен самый первый торговый ряд города.

Базар показался Тонге центром мира, той самой осью, вокруг которой вращаются Акра, море, горы, близкая Иудея и далекая Индия, страшные подземелья с чудовищами и высокие равнодушные звезды. Базар возвышался над всем и вся, он высокомерно взглянул на тощий кошелек Тонги, но благосклонно кивнул и в мгновение ока втянул его в свое крикливое, многотрудное и необъятное чрево.

Для начала Тонга попал в ряды, где торговали фруктами и цветами, и едва не одурел от валящего с ног терпкого медового запаха. Ни один фрукт, ни одна истомившаяся под южным солнцем роза не могла пахнуть так тяжело и сладко, этот густой аромат был присущ лишь горам пронизанных светом дынь, прозрачной, похожей на янтарь алычи, бархатных персиков, красиво разложенных на циновках, пирамидам абрикосов и сочных, словно прозрачных груш, застывшим рекам черного инжира, самого вкусного на побережье, барханам сахарных фиников и фруктам совсем уж диковинным, которых Тонга никогда не видел и названий не знал. Над всем этим великолепием грозно гудели золотистые полосатые осы, как бы вторым ярусом нависали вороха бархатистых, нежных, ярких, источающих горько-сладкий аромат южных цветов, а между ними темнели загорелые лица продавцов, их гибкие кисти, глаза: то сонные, то яростные, словно у атакующего ястреба.

При виде Тонги продавцы даже не шевельнулись, каким-то присущим лишь торговым людям ясновидением поняли, что высокий, небрежно одетый чужеземец пришел на базар не за фруктами.

Тонга миновал фруктовые ряды и оказался в шорных. На тонких столбах цветных навесов, защищавших от яркого солнца, гроздьями висели дорогие уздечки на любого зверя, которого со времен начала мира человек додумался оседлать и взнуздать. Здесь же стояли богатые седла, расшитые бисером попоны, пахло размякшей от жары кожей и железом, натертым маслом.

Всюду курились синеватые дымки мангалов, заставляя глотать слюну от аппетитных запахов жареного мяса и рыбы.

Тонга немного расслабился. Голод давал о себе знать пока еще тихим посасыванием в животе, но запах еды раздражил аппетит беглеца, его тонкие ноздри раздулись, потянули воздух. Тонга свернул и решительно направился к мангалу.

– Эй, господин, хочешь стать богатым за один раз?

Тонга остановился, покрутил головой, потом догадался поглядеть под ноги. На плетеном коврике, поджав ноги, сидел маленький тощий человечек: темноволосый, в широких синих штанах, с голым торсом и босой. Он занимался каким-то странным делом: двигал три опрокинутые чашки по отполированной дощечке. Увидев интерес Тонги, человечек хитро подмигнул, достал прямо из воздуха розовый перламутровый шарик и на глазах Тонги толкнул его под одну из чашек.

– Смотри внимательно, господин. Моя рука против твоего глаза. Угадаешь, где шарик – я тебе даю одну золотую монету или десять серебряных, как захочешь. Не угадаешь – ты даешь мне одну серебряную монету или десять медных.

Тонга уставился на тонкие ловкие руки человечка с напряженным вниманием ребенка. Руки сделали всего три быстрых движения. Игра оказалась совсем не сложной. Тонга уверенно указал на левую чашку.

– Ты угадал, господин, – уважительно объявил человечек, – у тебя острый глаз. Наверное, ты славный воин! Сыграем еще раз, по две монеты?

– Что ж, лишних две монеты мне не помешают...

Человечек склонился над своей доской и Тонга не увидел быстрой довольной улыбки.

– Вот он! Хватай его!

Тонга выпрямился... и нос к носу столкнулся с козлобородым. Он понял, что расслабился рано.

Не раздумывая, Тонга выдернул дощечку, стряхнул чашки и, пригнувшись, (сабля над головой свистнула, но без толку) врезал доской под колени козлобородому. Тот взвыл и осел, а Тонга добавил той же доской по голове. Перескочив через поверженного противника, он ринулся в пестрый водоворот базара, а вслед понеслись крики:

– Хватай изменника! Десять монет из казны господина Рифата!!!

На «изменника» можно было наплевать, любой базар традиционно аполитичен, да и десять монет не состояние, при всем уважении к начальнику городской стражи, но потом кто-то додумался крикнуть: «Держи вора!», и это было гораздо хуже.

Тонга припустил как заяц.

Босые ступни приласкал мягкий ворс бесценных пыльных ковров, брошенных продавцами прямо под ноги покупателей. Тонга проскочил ковровые ряды и оказался в оружейных. Сверкающая на солнце сталь напугала его, он метнулся к другому прилавку. Цепкая рука вынырнула из-под навеса, схватила его за плечо...

– Гляди, господин, такое чудо ты не увидишь нигде, кроме моей лавки!

Продавец, нестарый еще мужчина, подкинул в воздух лоскут невесомой ткани и неуловимым движением сверкнувшего клинка разрубил его пополам.

– Держи вора! – рявкнули вдруг совсем рядом. Тонга дернулся, но торговец проворно ухватил его за безрукавку и тонко заорал:

– Поймал вора! Поймал!

Волшебное лезвие оказалось у самого горла.

Раздумывать было некогда. Тонга ударил продавца локтем, попал под ребра. Тот сдавленно хрюкнул, пальцы разжались, и Тонга, подхватив саблю, нырнул в разноцветное море дорогих тканей.

На плетеной циновке, почти под ногами покупателей, лишь чуть в стороне, сидели два старика, по виду древних, как сам базар. Они не прятались от солнца под навесом, напротив, старики расположились так, чтоб полуденное светило обдавало их своим почти нестерпимым жаром. Видно, холодеющая кровь, вяло бегущая по жилам, уже не могла их согреть. Старики почти не разговаривали, только неспешно передавали друг другу отделанный серебром мундштук старинного кальяна.

Голые пятки Тонги промелькнули мимо со скоростью сплетни, а следом застучали башмаки городской стражи. Что-то затрещало, и холодная волна синего шелка покатила на стариков, грозя их смыть.

– Держи вора!!! – ревел базар.

Тонга рванулся напрямик, сшибая прилавки, опрокидывая навесы, расшвыривая товар. Как спятивший пловец, он греб в море золотой парчи, серебряного шитья и легчайшего шелка, почти не различая берега и не надеясь доплыть.

С треском раскололась хитрая клетка. Пестрая птица – павлин с радужным хвостом – вывалилась наружу и обиженно заорала на весь базар.

Разноцветное море неожиданно кончилось, но теперь на Тонгу обрушились горы серебряной, медной и глиняной посуды. Он хватал чаши, блюда, кувшины, иногда вырывая их из жадных рук торговцев и, не разбирая лиц, швырял в каждого, кто пробовал к нему приблизиться. Правая рука его сжимала украденную саблю и, видя, какие она плетет в воздухе кружева, приблизиться к беглецу отваживались немногие.

Сразу за ним с сухим стуком рухнул алый тент, а перед глазами оказалась большая туповатая морда рыжего верблюда, меланхолично жующего. Тонга нырнул ему под брюхо, вынырнул с другой стороны, хлопнул его по мягкому боку. Верблюд проводил его глазами, полными печали и задумчиво плюнул на влезшего следом стражника.

Беглец влетел в открытые двери ближайшей лавочки и рявкнул:

– Хозяин! Халат мне! Богатый! И башмаки!

Тот без суеты обернулся, и Тонга ничуть не удивился, что богатый торговец оказался евером.

– Халат мне! – с угрозой повторил Тонга, – и побыстрее. Иначе будешь свою тупую голову на заднем дворе разыскивать, – и для убедительности качнул саблей.

Блеск оружия не произвел должного впечатления.

– Вы что, молодой человек, решили из меня шутки шутить? – спокойно спросил торговец.

– Старик, я убью тебя! – в третий раз рывкнул Тонга, уже менее уверенно и на пол тона ниже.

Евер пожал худыми плечами:

– И вы что, каждый раз, когда собираетесь кого-нибудь убить, орете за это на весь базар? Тонга растерялся.

– Садитесь, молодой человек, – продолжал торговец, – выпейте вина. Вам нужен халат? Я вас понимаю. Всем нужен халат, но зачем, чтобы из тихого дела стало шумное? Вам нужен халат, но у вас нет денег? – почти против воли Тонга кивнул. – У вас нет денег, но есть этот замечательный клинок дамасской работы... Заметьте, я не спрашиваю вас, откуда вы его взяли и почему за вами гоняется стража. Я просто вхожу в ваше положение. Вам нужен халат! Молодой человек, у нас с вами может получиться коммерция... Римас сделает вам халат и даже башмаки, только не нужно кричать за это на весь базар.

Меж тем суматоха нарастала, но уже без участия Тонги. Продавцы причитали над товаром, словно разметанным ураганом, зеваки пихались, норовя не упустить ничего интересного, городская стража переворачивала лавочки и коротко огрызалась на сыплющиеся со всех сторон проклятья. У двух или трех десятков почтенных покупателей под шумок срезали кошельки, и они орали едва ли не громче павлина. Узнав об этом, стража бросила ловить Тонгу и принялась ловить воров, но с тем же успехом.

Двое стариков у старого кальяна единственные сидели спокойные и невозмутимые. Рядом рухнула крыша, и на синий шелк, ставший от пыли бурым, обрушилась гора медной посуды. И опять замелькали быстро бегущие пятки: босые и обутые. Павлин, который только лишь успокоился на коленях у старика, снова вскочил, взъерошил перья и завопил дурным голосом.

С другого конца базара ему ответил необычайно голосистый ишак.

Один из старцев шевельнул беззубым ртом и, слегка шепелявя, спросил другого:

– А шо это они все бегают и бегают?

Другой приоткрыл пронзительные голубые глаза, скрытые тяжелыми веками.

– Молодые, – ответил он и снова погрузился в дрему.

И как-то необычайно быстро все успокоилось. Прекратились крики и беготня, взамен порубленных навесов быстро натянули новые, такие же яркие, ткани отряхнули от пыли, а посуду (которая не разбилась) вновь разложили красивыми горками по обе стороны прилавков.

Большой базар продолжался.

В самом центре, где на низких стульчиках сидели менялы со своими ящиками, было уже совсем тихо и чинно.

Двое спорили быстро и яростно, но вполголоса:

– Послушай, ты что, хочешь, чтобы я из трех монет сделал тебе четыре, да еще пять оставил себе? Может, Хальба и способен на такие чудеса, но бедный Илияс не Хальба и чудес не делает, это не его работа.

– Ой, перестань сказать, противно слушать! – перебил другой. – Ты брал у меня деньги, говорил – отдашь. Когда отдашь?

– Откуда я знаю? – возмутился Илияс. – Я что, всевидящий?

– Вода! Холодная вода! – заунывно тянул водонос.

Испуг и напряжение медленно отпускали Тонгу. Он снова с любопытством завертел головой и приметил деревянный помост и тонкую фигурку, которая кружилась легко и воздушно под музыку зульда. Легкий голубой платок то взлетал и метался испуганной птицей меж руками, то обессилено падал и трепетал от невидимого ветра.

Странной магией веяло от этого танца.

У самого помоста, прямо на земле сидел человек неопределенного возраста, в лохмотьях, которые когда-то были халатом. «Наверное, – подумал про себя Тонга, – он играл так же вдохновенно в те времена, когда возводили крепость».

Тонга прислушался.

Незнакомец пел:

Как кораллы губ твоих надменны,
Как резка приподнятая бровь.
Вечным одиночеством вселенной
Жгут глаза... и холодом снегов.
О моя неволя!

Как рукам твоим послушны струны,
Как волшебна гибок дивный стан.
Как мне быть с тобой, такою юной?
Что дарить? Какой сплести обман?
О мое безумие!

Как любить бессмертную богиню?
Что ей бросить под ноги, скажи?
Не спасут подарки дорогие
Кровью истекающей души.
О моя надежда!

Тонга дослушал песню до конца и, хоть был не богат, бросил серебряную монету на платок танцовщицы.

Не слишком она была красива. Худа, темноволоса, черты лица резковаты. Но Тонга не испытал разочарования. Девушка – вся – была как лучик солнца в глубоком трюме, как свежий ветер в полосе полного штиля, как слабый, но упрямый росток, уцепившийся за жизнь в полосе прибоя.

– Ты не устала? – спросил певец свою подругу.

– Нет, – острое лицо осветила улыбка, – твоя песня дала мне силы.

Это была правда. Тонга и сам после его волшебной музыки воспрянул духом и обрел утраченные было смелость и решительность.

– Скажи, – тихо спросил он, – какая здесь самая короткая дорога во дворец правителя?

– Самая короткая? – Певец широко улыбнулся. – Скажи, добрый человек, что заставило тебя предположить, что я вхож к правителю? Мой богатый наряд или видная должность?

– Я просто спросил, – насупился Тонга, уже жалея о своей несдержанности.

– Самая короткая! – хмыкнул певец. – В моих родных краях говорят: «Веревка палача – самая короткая дорога к блаженству». Я бы тебе посоветовал что-нибудь украсть. И чем дороже будет украденная вещь, тем быстрее тебя поймают и отведут на суд к правителю... Прости великодушно, но другой дороги во дворец я не знаю.

– Господин, – вмешалась девушка, глядя на Тонгу темными, встревоженными глазами, – я вижу перед тобой два пути. Один наверх, во дворец, другой вниз, к морю.

– Мне не нужна дорога к морю, – начал было Тонга, но танцовщица перебила его:

– Тебе нельзя во дворец. За твоей спиной я вижу смерть. И она уже знает свою дорогу. Если ты выберешь путь наверх, она пойдет следом.

Тонга знал, что есть люди, видящие незримое. Давно, еще у себя на родине, у него был знакомый колдун. Он лечил людей, разыскивал потерявшихся коров и коз и мог предсказывать

погоду... Но девушка, похоже, и впрямь за него испугалась. Он поборол искушение обернуться и покачал головой:

– Она уже давно идет за мной следом, куда бы я ни свернул.

– Будь осторожен, господин, – тихо проговорила танцовщица, – и никому не верь. Тот, кому ты доверишься, предаст тебя еще до рассвета.

* * *

Солнце уже садилось, когда Тонга, наконец, выбрался из лабиринта узких улочек, которые вели куда угодно, только не туда, куда нужно.

Дорога все время поднималась. В какой-то момент она закончилась и началась лестница, над которой шумели широкие и жесткие листья платанов. Вокруг раскинулись пышные фруктовые сады. Они взбирались все выше в горы, словно обнимая их своими зелеными руками. Изредка в темной пене мелькали крыши дворцов и летних беседок. То там, то тут море листвы прорезали лестницы: крутые и пологие, стершиеся за века и совсем новые. Когда перед усталыми глазами беглеца выросла белая стена, он почти лишился ног от усталости и дышал, как выброшенная на берег рыба – мурена, выпучив круглые бессмысленные глаза и шевеля губами.

Лестница упиралась в чугунное кружево решетки, в котором в строгой симметрии сплетались тяжеловесные цветы из красной бронзы и листья из желтой. За решеткой темнел сад, такой же, как и все сады в Акре – огромный дикий и неухоженный.

Тонга не стал стучать в ворота, поднимая на ноги дворцовую охрану. Не стал он и штурмовать белые стены дворца. Все случилось гораздо проще и обыденнее. И именно ради этой простоты и обыденности Тонга проделал такой долгий путь.

В монолитной стене, как считали и сами правители Акры с незапамятных времен, было всего двое ворот: парадные и те, что выходили на задний двор. Никто не помнил и не хотел помнить, что в том месте, где стена дворца вплотную примыкает к высокому забору, в ней был прорублен ход, который вел с улицы прямо в просторные помещения дворцовой кухни. Ход этот заканчивался массивной дверью из той породы дерева, которое со временем не дряхлеет, а обретает твердость камня. Дверь была закрыта на замок, а ключ потерян еще в те времена, когда Кинр со своими людьми бежал из дворца и из Акры.

Так думали те, кто правил Акрой ныне.

Но они ошибались.

Каждую ночь дверь отпиралась, и молчаливые сильные люди ныряли в чрево огромной кухни. Дальше им ходу не было, но они и не стремились дальше. Здесь, среди огромных, заляпанных сажей котлов устрашающих размеров, вертелов и очага, в котором можно было изжарить быка целиком, находилось свое царство.

Кухня была самым настоящим суверенным государством на территории дворца: со своим правительством, законами, экономикой, армией и внешнеполитическими связями. И то, что никто посторонний об этом государстве не знал, ничуть не тревожило его самодержавного правителя – повара-раба Керболая. Дворцовая охрана избегала спускаться в помещения кухни, где всегда было жарко, стоял невыносимый запах лаврового листа и помоев и толпой сновали грязные, потные рабы. Никто не мешал Керболою заправлять кухонной жизнью, следуя своим прихотям. Он и заправлял: держал армию рабов железной рукой. Ослушника заставляли выполнять самую тяжелую и грязную работу (а ее на кухне всегда хватает) и отлучали от шумных и пьяных оргий с рабынями, которые начинались в царстве Керболая, едва в верхних помещениях дворца гасили факелы, а могли и ненароком толкнуть в чан с кипятком.

Заветной же дверцей Керболой сумел распорядиться с мудростью воистину государственной.

Как-то, будучи еще обычным кухонным рабом, и не помышлявшим о своей будущей власти, ползая в золе, Керболой нашел ключ с хитрой бородкой и, смекнув, в чем дело, спрятал его от посторонних глаз. И долгих двенадцать лет молчал о своей находке, пока не стал тем, кем стал. Впрочем, он молчал о ней и сейчас. Суеверные рабы считали Керболоя колдуном, знавшим заветное слово, и если жадность не могла заставить их молчать и подчиняться старшему повару, это делал страх.

Керболой свел короткое знакомство с купцами-евеями и тоненький, но бесперебойный ручеек заморских вин и редких пряностей потянулся из дворца правителя прямо на базар.

Сейчас Керболой был уже богат и давно мог бы выкупиться из рабства. Но повар хорошо понимал, что вместе с железным ошейником лишится и короны. И не торопился на волю.

Вот к нему, к Керболою, и спешил Тонга, пряча в кошельке второй и последний ключ от заветной двери.

Глава вторая

Обычно в тот самый час, когда жизнь замирала наверху, она оживала внизу. Но в эту ночь привычный распорядок оказался нарушен. Сперва появился этот странный чужеземец с желтой кожей и острыми скулами, с которым почему-то нельзя было говорить, словно в Акре никогда не видели чужеземцев. Потом возник Керболой. Он был то ли зол, то ли чем-то чрезвычайно встревожен. Не тратя лишних слов, пинками, он разогнал рабов по кладовкам и запер всех на ключ. Они сидели в темноте, шепотом делясь друг с другом подозрениями и догадками, одна страшнее другой. Самой достоверной казалась версия, что старший повар принимает у себя чародея из далекого Китая, и они обсуждают, что лучше сделать: превратить всех в ишаков, добыть из дерьма золото, погасить солнце или просто начать плевать огнем... Тихие голоса бедняг были полны тревоги. Но никто не спешил рассеять страхи кухонных рабов. В эту ночь всем было не до них.

Тонга и Керболой сидели на ступенях лестницы, которой заканчивался короткий и темный коридор. Они не глядели друг на друга. Каждый перебирал в памяти, все ли сделано и так ли, как надо. Вроде бы ни в чем они не ошиблись, но ведь это всегда так кажется, а потом хватаешься за голову, да поздно.

– Собаки, – вдруг тихо произнес Керболой.

– Что собаки? – не понял Тонга.

– Собаки на воле. И ничего с этим не сделаешь. Их кормят только утром, чтобы к ночи злее были.

– Много собак? – спокойно спросил Тонга, весь подбираясь.

– На всех хватит, – хмуро отозвался Керболой, – это ведь не домашние собачки. Это настоящие охранные псы. Каждый стоит как три породистых коня. Знаешь, как их выводят?

Тонга равнодушно качнул головой. В данный момент ему было абсолютно все равно, как выводят охранных собак. Но Керболой понял его молчание как знак согласия.

– На племя отбирают самых свирепых. Когда сука приносит первых щенков, их растят, пока щенки не перестают сосать. Тогда их забирают от матери и до захода солнца не кормят. А потом дают им мясо на длинной палке. Щенки вцепляются в мясо зубами. Палку тянут назад. Они, конечно, не отпускают... Тогда берут саблю и всем щенкам отрубают головы. Если хотя бы две-три головы продолжают держать мясо, значит, пара годится. Следующий помет оставляют весь.

– И такие зверюги бродят ночью по саду? – Против воли голос Тонги вздрогнул. – А как же охрана, рабы...

– Своих они не трогают, – отозвался повар, – а вот чужие... Поверь мне, гонец, лучше бы вам было подождать до завтра.

– Хозяин не любит ждать.

Стук в дверь прозвучал внезапно.

Они ждали его, но все-таки вздрогнули и переглянулись.

– Кто? – спросил Керболой.

– Тень, – ответил из-за двери глухой и властный голос.

Повар-раб бесшумно повернул ключ и едва успел отскочить прочь. Дверь распахнулась. В узком проеме показались широкие плечи, копна темно-русых волос и широкое, плоское лезвие кинжала, выброшенное перед собой.

– Ритул! – сдержанно обрадовался Тонга.

Алан, или, как их называли здесь – удр отступил, и в кухню бесшумно просочились темные тени, похожие на призраков. Их было всего двадцать. Но каждый стоил двадцати, по крайней мере, так говорили они сами. Хотя справедливости ради следует заметить, что за легионе-

рами Великого Рима склонности к пустой похвальбе и впрямь не водилось. По крайней мере за «теми самыми» легионерами... Относилась ли эта компания к «тем самым», Акре еще предстояло узнать.

Ритул обежал громадное, пустое помещение взглядом, нашел Керболая. Заметив железный ошейник, брезгливо поморщился.

– Как звать? – отрывисто спросил он.

– Слуга Тени, – повар торопливо согнулся пополам.

– Стража?

– Должна уже спать, – вмешался Тонга, – я всыпал в вино весь порошок, как ты велел.

Возможно, кто-то из них не проснется.

– Я слышал лай. – Ритул нахмурился. – Псы опасны?

– Они смертельны, господин, – ответил «слуга Тени», – но я проведу вас в спальню правителя так, чтобы не наткнуться на псов. А во время утренней кормежки они все будут отравлены.

– Тогда вперед, – скомандовал Ритул и шагнул на лестницу, ведущую вверх, выразительно глянув на повара, чтобы тот следовал вперед и указывал путь.

– Все время вверх, господин.

Кербалай снова согнулся в поклоне, а когда разогнулся, в руке его оказался короткий широкий нож. В темноте никто его не заметил.

Вверх вел узкий и темный ход, не освещенный факелами. Отряду пришлось вытянуться в цепочку. Так получилось, что первым оказался Ритул, за ним Тонга, потом повар, а уж следом отряд удров. По обе стороны коридора располагались двери кладовок. Повар тихо выдохнул и хладнокровно воткнул нож точно под левую лопатку Тонги. Свободной рукой он успел закрыть бедолаге рот. Обмякшее тело он тут же подхватил и пихнул в открытую дверь кладовки. Тонга не успел даже вскрикнуть, а повар почти не сбился с ноги. Теперь он был спокоен: чем бы ни закончился заговор, второй ключ из его рук не уйдет. А Тонгу, если и хватятся сейчас, то разыскивать не станут – каждая секунда дорога. А потом его смерть можно будет свалить на какого-нибудь ретивого и чрезмерно верного раба.

* * *

Спальня правителя Акры, просторная комната с наружной башенкой-балконом в западной части дама, была погружена во мрак, лишь две масляные лампы у широкой постели с откинутым балдахином рассеивали темноту. Правитель в длинной свободной рубашке, босой вышел на балкон и легким движением руки отодвинул прозрачный занавес.

Внизу лежала Акра, погруженная в сон. Его город: вольный, сумасбродный, хитрый как жрец, льстивый как сановник и холодно-бесстрашный как воин. Акра, которая ни во что не ставила своего правителя и, кланяясь до земли при встрече его торжественной кавалькады, прятала в глазах – усмешку, в кошельке – монеты, утаенные от чиновников, а за пазухой увесистую гирику на цепочке.

Сейчас она спала. Казалось, ничто не может нарушить безмятежный покой фруктовых садов, террасами спускавшихся вниз, темный сон богатых дворцов и тяжелую дрему узких улочек, где даже еверу было тесно. Спал базар. Спал порт. Спали корабли, мерно покачиваясь в сонной волне. Спало огромное, черное, как антрацит, ласковое море – колыбель кораблей и их безмолвная могила.

Правитель улыбнулся. Он как никто другой знал, как обманчив этот внешний покой, как иллюзорна безмятежность города. Где-то там, в его недрах, недоступных взгляду, кипела жизнь, заключались торговые сделки, давались и нарушались клятвы, точилось оружие и свершалась месть.

Сонный город – сказал бы сторонний наблюдатель.

Бессонный город – говорил правитель Акры, знавший, что жизнь в его владениях не замирает ни на миг, и подданные его спят (если вообще спят) только вполглаза и по очереди.

Сзади послышался шорох. Не оборачиваясь, Даний посторонился. Легкий, едва уловимый аромат розового масла ласково обнял правителя и шелковые русые волосы щекотнули шею.

Женщина встала рядом, прижалась к его плечу, устремив взгляд на темную Акру и огромный купол небес над ней. Чернота его была матовой, словно подернутой легчайшей дымкой, а крупные бело-золотые звезды горели, как лампы. Ночь была такой ясной, что Даний без труда различал тонкие лучи света, протянувшиеся от одной звезды к другой, и эти лучи казались ему струнами, на которых боги играют музыку, недоступную уху смертного. Когда к ним прикасаются нежные пальцы Возлюбленной, Аннунт, Афродиты или светоносного Ахура-Мазды, на земле расцветает Золотой век. Ее омывают ласковые дожди, и она родит столько хлеба, что колос под его тяжестью сгибается пополам, а море одаривает серебристой рыбой и, не взяв обычной суровой дани жизнями моряков, возвращает домой корабли в целости и с товаром. А когда к небесным струнам тянутся пальцы Сетха, над землей и водой носятся ураганы и штормы, мужчины вынимают из ножен оружие, а женщины достают из сундуков скорбные белые покрывала.

– О чем ты думаешь? – тихо спросила Франгиз, лаская плечо правителя тонкими пальцами.

– О тебе, – солгал он, потому что не хотел выдавать ей своих тревожных мыслей.

– Это неправда, – Франгиз, как всегда, легко читала в его сердце, – ты любовался своим городом. Как ты можешь им любоваться?!

– А разве он не прекрасен?

– Он... отвратителен! – Дыхание женщины стало частым, в голосе зазвенели гнев и страх. – Он похож на притаившегося зверя, который только и ждет, когда ты отвернешься. Он жаден, как слуги Хальбы, и беспощаден, как жрецы Сетха. Он никогда не покорится тебе, повелитель, даже если ты зальешь его улицы кровью. Твои подданные будут смотреть в землю, но в их глазах будет все, кроме покорности. Их нельзя купить, потому что они богаче тебя. Их нельзя запугать, потому что они умны и не поверят угрозам. Этот город никогда не станет твоим или чьим-либо еще, потому что он слишком хитер – хитер, как его рыжий бог. Хитер и опасен!

– Ну да, – с улыбкой кивнул Даний, соглашаясь с каждым словом женщины, – а разве это не здорово?

Он обнял дрожащую Франгиз. С черного неба стремительно скатилась звезда и, прочертив огненный след, исчезла где-то в горах.

– Недобрый знак, – прошептала Франгиз. – У меня на родине считают, что когда падает звезда, кто-то умирает.

– А у меня на родине говорят, что если упала звезда – родился герой или поэт. И боги послали ему огненную душу.

Тихо, совсем неслышно открылась дверь.

Кто мог осмелиться их потревожить в этот час?

Даний обернулся без гнева, скорее с досадой.

Спальню правителя быстро занимали вооруженные люди. Данию показалось – около десятка, и все – незнакомцы. Это явно была не дворцовая охрана, охранники Дания не носили во внутренних покоях шлемы и кольчуги. И из оружия им полагались тонкие легкие сабли. Но тусклый свет почти выгоревших ламп высветил прямые и длинные северные мечи.

– Кто вы? – повелительно спросил правитель. – Что вам здесь нужно?

– Ты Даний? – спросил предводитель, высокий русоволосый человек с манерами солдата и высокомерным взглядом вельможи.

– Кто вы? – повторил Даний.

– Слуги Тени, – очень спокойно ответил воин, – Тени Орла.

Внезапно тишину разрезал тонкий пронзительный крик Франгиз:

– Стража! Ко мне! Измена!

Голос женщины взлетел к высокому потолку и заметался под гулкими сводами, множась отголосками эха. Но тишина была ему единственным ответом.

Воины молчали и были абсолютно спокойны, словно... хозяева.

Даний похолодел. На мгновение все его существо охватила паника, ему захотелось ущипнуть себя за руку, чтобы рассеялся этот кошмар. Внешне это проявилось лишь в том, что он несколько раз быстро сморгнул.

– Вы – захватчики, – уверенно определил он.

– Это как посмотреть, – ответил предводитель северных воинов. – Тот, кто привел нас сюда, считает захватчиком тебя... и всех остальных правителей Акры со времен Бальда.

– Вам приказано меня убить? – спросил Даний, не вступая в спор по закону о престолонаследии. – Тогда не откажите в последней просьбе: пусть женщина уйдет к себе.

Даний встретился взглядом с русоволосым воином, и во взгляде правителя в тот миг было столько спокойствия и достоинства, что тот не выдержал и отвел глаза.

– Много чести, – буркнул он, и, не оборачиваясь, приказал своим людям: – Связать, запереть в каком-нибудь подвале. Приставить охрану.

Выполняя его приказ, Дания скрутили так, что рассудок на миг притупился от боли, но он сдержался.

– Молодец, – одобрительно крикнул воин, – не повезло тебе, парень. Но ты не унывай. Судьба переменчива. Взгляни на меня. – Даний поднял глаза, и наемник беззлобно подмигнул правителю. – Два раза был повешен...

Мужчины, как всегда занятые борьбой друг с другом, позабыли о Франгиз. А она с самого детства была на диво легконога...

Она осторожно отступила в темноту, страхась лишь одного: что споткнется, и эти каменнолицые высокомерные люди помешают ей осуществить свое намерение. Франгиз медленно, почти не дыша, сделала несколько шагов к балкону, коснулась стены, нащупала рукой перила... Господь Единый, не оставь меня! Женщина зажмурилась и рывком перекинула через перила свое легкое тело.

Короткий крик-стон...

Ритул метнулся к окну. Стены дворца оплетал густой дикий плющ, прижатый падением тела, но как ни вглядывался удр, больше ничего нельзя было рассмотреть в темноте. Он вернулся, стараясь не встречаться взглядом со связанным.

– Жена правителя, – произнес он тихо и веско. – Кто еще не умеет умирать – учитеcь.

Дверь, ведущая из спальни правителя в коридор, вдруг вздрогнула и почти прогнулась от мощного удара. Было похоже, что кто-то ударился в нее всем телом... крупным телом.

– Кто?! – недовольно рыкнул Ритул.

– Тень, – прохрипели в ответ. Удр откинул засов, и в спальню свалился воин из его отряда. Он был белым от ужаса – Ритул заметил это даже в темноте. Похоже, по дворцу правителя бегал оживший мертвяк. Или парочка вервольфов – что еще могло напугать наемника, который ел с меча с девяти лет и как-то в далеком южном походе на спор помочился на здорового спящего удава... Правой рукой воин зажимал рваную рану в боку. Сквозь пальцы сочилась темная кровь и тяжелыми густыми каплями падала на пол.

– Что случилось? – спросил Ритул. – Разве кто-нибудь из стражи остался на ногах?

Воин что-то прохрипел. Ритул наклонился, пытаясь разобрать невнятный шепот умиравшего.

– Не стража... Собаки. Кто-то впустил собак... – В уголках белых губ запузырилась кровь. – Они огромны, Ритул...

Даний вскинул подбородок и с вызовом взглянул на удра:

– Их здесь ровно пять десятков, – тихо, без выражения произнес он, – и каждый пес натаскан на двуногую дичь.

Ритул встряхнул раненого.

– Где остальные?

Тот мотнул головой. Смертный туман уже окутывал гаснущий мозг, и голос Ритула пробился к сознанию с трудом.

– Остальные... – костенеющим языком пробормотал он, – Трейд и я... и еще раб... повар... Других...

– Говори!!!

– Не отбиться... Они тоже воины... Слишком... хорошие... Сейчас будут здесь! – С этими словами наемника покинули последние остатки жизни, и он тяжело обвис на руках у Ритула.

Ритул стремительно подошел к двери и выглянул в коридор. В мрачном свете факелов он увидел картину, которой суждено было преследовать его до конца жизни.

Пол был залит кровью его воина. Стояла жуткая тишина. И вдруг ее нарушил негромкий звук: стук когтей по каменным ступеням... бесчисленного множества когтей.

Чудовище вынырнуло из бокового прохода и беззвучно ринулось к Ритулу, на него. Оно было действительно огромным, раза в полтора превосходило всех виденных Ритулом собак. Удр не успел рассмотреть чудовище, он увидел лишь громадные широкие лапы, ошейник с торчащими железными шипами и круглые холодные глаза убийцы.

За первым чудовищем в коридор вымахнуло второе, и Ритул понял, что псы взяли след и сейчас соберутся здесь. Все пятьдесят... или сколько их там осталось после схватки с его отборными людьми, уничтоженными этими тварями почти полностью... Сколько? Да какая разница?! И одного больше чем достаточно!

Ритул едва успел захлопнуть двери и наложить засов. Он инстинктивно прижал створки спиной и... чуть не отлетел на середину комнаты. На дверь обрушился удар такой силы, что массивные кованые петли шевельнулись в стене.

Ритул обернулся к связанному правителю:

– Прикажи этим демонам убираться! Иначе я выкину им твою голову.

Даний даже не попытался скрыть усмешки:

– Приказать я могу что угодно, но псы не послушают меня. Они – идеальные воины и знают лишь один приказ – убивать. Убивать чужаков. Они охраняют не меня, а свою землю, удра. Чтобы выйти отсюда, тебе придется убить их всех. Потому что они не отступят.

За дверью слышалось ворчание, лязг железных шипов о камни стен, сдавленный рык.

– Не думаю, что они сообразят выбить дверь, – предположил воин Ритула, тот самый, два раза повешенный. Он был бледен. – Тень Орла собирался войти в порт еще до рассвета. Нам нужно всего лишь продержаться до восхода солнца.

Он не успел договорить – дверь вздрогнула от нового мощного удара. Впрочем, он был слабее первого. Псы Дания были идеальными воинами, но двери отпирать не умели.

* * *

Танкар проснулся среди ночи от того, что в дверь тихо, но очень настойчиво стучали. Помянув Таната и Сетха, он слез с постели, прошлепал к двери босиком и недовольно буркнул:

– Ну и кого там несет, такого нетерпеливого?

– Открой, хозяин!

Этот хриплый голос был Танкару знаком. Даже слишком хорошо знаком. Он хотел бы знать его хуже. Как и каждый вольный торговец в благословенной Акре.

– Хозяин! Я теряю терпенье! – Теперь в голосе явственно послышался гнев, и Танкар отодвинул тяжелый засов. Вызывать недовольство этого человека он ни в коем случае не собирался.

– Запирай, – приказал Рифат, начальник городской стражи, едва оказался внутри, в тесноватом и не слишком уютном жилище Танкара. Он был один. Контрабандист глядел на Рифата во все глаза: впервые он видел своего врага без свиты. Зрелище было незабываемое! Но самым удивительным казалось не это. Господин Рифат был, как всегда, спокоен и холодно смел, но выглядел, как... Танкар совершенно точно знал, как кто именно. Он и сам бывал в шкуре загнанного зверя.

– Открой подвал, – так же отрывисто произнес ночной гость.

– Об чем говорит господин, нет у меня никакого подвала, – привычно взвыл Танкар, – сколько здесь живу и ни разу не слышал за подвал...

– У тебя есть подвал, – перебил Рифат, – и скажи спасибо, что я ни разу туда не заглядывал. Но сейчас мне придется заглянуть в твой подвал, а ты мне его откроешь.

Жизнь вольного торговца полна непредвиденных случайностей, и тот, кто однажды ступил на эту тропу, либо сводит скорое и короткое знакомство с палачом, либо учится думать быстро.

Танкар окинул гостя внимательным взглядом, пошарил на полке за спиной, достал запечатанный кувшин. Показал глазами на низкую скамью.

В масляной плошке дрожал и едва теплился крошечный огонек. Света было как раз достаточно, чтобы не разлить вино мимо чашек.

Рифат осторожно взял ладонями грубую глиняную посуду, прикоснулся губами к угощению и в удивлении приподнял левую бровь:

– Однако! Несчастный торговец, которого чиновники обобрали до нитки... Такое вино правитель пьет лишь по праздникам.

– А у меня сегодня как раз праздник, – криво усмехнулся Танкар. О том, что он тоже правитель, торговец не упомянул, это было не слишком вежливо. К тому же, Рифат знал это и так. – Таких гостей вольные торговцы принимают нечасто, больше мои ребята у тебя гостят.

Он допил вино, аккуратно поставил чашку, подождал, пока Рифат сделает то же самое, и невозмутимо спросил... даже, скорее, потребовал:

– Теперь рассказывай, от кого спасся и куда бежишь!

– Это важно?

– Как сказать, – контрабандист хмыкнул. – Если ты направляешься в Афр – это одно дело, если в Персию – другое, а если на север, то совсем третье. Так куда ты бежишь, Рифат?

– Не знаю, – честно ответил тот и, не спрашивая хозяина, налил себе вторую чашку. – Я уже ничего не знаю, Танкар. Спрятаться хотел. Ищут меня... В подвале-то небось китайский шелк или греческие вина? – спросил он, осушив чашу.

Танкар усмехнулся.

– Пусто там. Как в долбленной тыкке. Какой я себе убыток сделал, Рифат, то если такой убыток бедному еверу во сне приснится, так он проснется седой во всех местах, где волосы растут.

В темных глазах Рифата мелькнула страшная догадка. Он потянулся к сабле.

– И снова-таки не то, – отозвался Танкар, не двигаясь с места. – Ты умный, Рифат. Я тоже думаю головой, а не тем местом, которым сижу. А сейчас брось свою железяку, настрой свои уши и подумай об такую вещь: утром торговцы берут товар, а верный человек говорит,

шобы к вечеру товара не было. Ответь мне, Рифат, если у тебя на плечах то, шо я на них вижу, как купить утром и продать вечером и не сделать себе убыток? И если ты хоть чуть-чуть понимаешь за коммерцию, ты мне скажешь: таки никак!

– Кто тебе велел избавиться от товара? – спросил Рифат, цепко ухватив главное в потоке обычных еверских причитаний.

– Ты умный, – Танкар пожал плечами и спокойно выдержал острый взгляд ночного гостя.

– Фасих?

Евер промолчал.

Через некоторое время он спросил, спокойно, словно речь шла о пустяках:

– Скажи, Рифат, чья теперь Акра?

– Когда я спустил на них собак, то еще не знал этого, – заговорил Рифат, глядя в одну точку на темной стене. В голосе его послышалась усталость. – Вечером, после смены караула, я спустился вниз, чтобы поужинать. Но появился человек и сказал, что есть новости о продавцах снов. – При этих словах Танкар брезгливо поморщился. Сообщество, обитавшее уровнем ниже вольных торговцев и романтически именующее себя «продавцами снов», он и его товарищ звали проще – «помойники». Но перебивать Рифата он не стал, слишком важные вещи он рассказывал. – Это был интересный разговор, – Рифат усмехнулся, – если бы не то, что произошло потом, цены бы не было такому разговору. Во дворец я вернулся поздно и чтобы никого не беспокоить прошел через задний двор. У ворот меня никто не встретил. Никто не спросил пароль. Ты меня понимаешь, Танкар? Все возможно в нашей благословенной Акре, но чтобы во дворце правителя стражи спали на посту?!!

– А они спали? – почти не удивился евер.

– Они были без сознания. Я обнаружил их в траве у ворот. Ни тот, ни другой не были пьяны, но разбудить их не удалось. Внутренняя охрана у дверей тоже спала. Весь дворец был погружен в странный сон, схожий с оцепенением. А потом возникли люди. Они появились не с улицы, откуда я их ждал, а изнутри, и это случилось так внезапно, что я едва успел отступить в тень. Я не смог сосчитать, сколько их было. Наверное, я видел не всех... Около десятка прошли мимо меня, двигаясь осторожно и тихо. Это были воины в полном вооружении. И перед тем, как пройти дальше, один из неизвестных на мгновение остановился, склонился над стражниками и перерезал им горло... Клянусь Танатом, я был не просто испуган, я был в ужасе. Он перерезал горло спящему так невозмутимо и аккуратно, словно выполнил хорошо знакомую, уже порядком надоевшую, но необходимую работу. И тогда я понял, что дворец захвачен, и все, что я смогу сделать, это погибнуть, защищая правителя. – Рифат поморщился. – Ты можешь меня презирать, Танкар, но я решил, что это не выход.

Я бежал, воспользовавшись ночью и тишиной. Но перед тем как исчезнуть, я отправил по следу чужаков сторожевых псов Дания. Надеюсь, они хоть немного потрепали их ряды. Впрочем, это несущественно. Сколько бы чужаков не было в полночь, сейчас их намного больше. Пробираясь по темным улицам, я увидел кусочек порта и девять стоящих на рейде кораблей...

Голос ночного гостя изменился. До этого он был усталым, безумно встревоженным, даже отчаявшимся... но ровным. Сейчас в нем прозвучала ненависть.

– Это были не просто корабли, – догадался Танкар.

– Я отдал бы правую руку, чтобы никогда не видеть в Акре таких парусов, – кивнул Рифат.

– И кто пришел на этих кораблях?

– Ты умный, – вяло передразнил Рифат, – думай.

Евер не думал ни мгновения:

– Тень Орла, – уверенно назвал он, – наследники бежавшего Кинра. – В ответ на удивленный взгляд Рифата он пояснил: – Давно не посылаю людей в северные земли. Они там пропадают... Так-то... Ты хорошо сделал, шо пришел до меня.

– А мне больше некуда идти, – ответил Рифат, глядя в глаза Танкара пристально и спокойно. – Если ты выдашь меня, Тень Орла будет тебе благодарен больше, чем ты думаешь. Если же нет... я буду благодарен тебе, Танкар. И в размере моей благодарности ты не ошибешься.

Евер помолчал, словно что-то прикидывая про себя. На самом деле он давно все решил. В тот самый момент, когда увидел глаза Рифата – темные от отчаяния и пережитого ужаса. Он встал, взял масляную плошку с трепещущим огоньком.

– Умный человек бережет не только старого друга, но и старого врага, – сказал он, – честный человек помнит свои долги. Ты однажды укрыл меня от Орла. Я спрячу тебя от Тени. Иди за мной, Рифат, и, если сможешь, ничему не удивляйся.

Танкар откинул вышитую занавеску, прошел вперед и оказался в узком коридоре. Начальник стражи проследовал за ним. Коридор оказался намного длиннее, чем предполагал Рифат, глядя снаружи на жилище Танкара, но, как оказалось, этот коридор был лишь одним из многих. Они поднялись на несколько ступеней вверх, и там была уже не занавеска, а массивная дверь, впрочем, без засова, и контрабандист открыл ее, лишь махнув рукой.

Крохотный огонек почти не рассеивал мрак. Рифат лишь очень смутно различал спину идущего впереди Танкара и был озабочен лишь тем, чтобы не споткнуться. Они снова спустились вниз, на этот раз лестница была длиннее и круче, и оказались в помещении, похожем на земляной погреб... Но и это оказалось еще не все. Рифат помнил совет Танкара ничему не удивляться, но последовать ему не мог при всем желании. Коридоры, переходы, лестницы, низкие и узкие лазы, деревянные и каменные двери, которые, казалось, никогда не закончатся, и только спустя время Рифат с огромным изумлением осознал, что они вовсе не ищут «подвал» Танкара. Они уже давно миновали все тайные «кладовки» контрабандистов и углубились в лабиринты нижней Акры, таинственного «города под городом». Рифат знал о его существовании, но он и предполагать не смел, что когда-нибудь спустится сюда сам. И не с отрядом городской стражи, а один, в положении гонимого зверя, и единственной защитой ему станут те люди, на которых он охотился по долгу службы.

Акра просыпалась рано. Восход еще только успел тронуть покатые крыши дворцов и зажечь перламутровые колонны мягким ровным светом, а в городе уже хлопали ставни, открывались двери, перекрикивались друг с другом через улицу хлопотливые хозяйки, слуги и сами хозяева, из тех, кто победнее. Они скребли, мыли и чистили маленькие лавчонки и лавки побольше, и вскоре по улицам застучали копытца осликов и заскрипели повозки, развозившие фрукты и свежую зелень. Акра пока еще не знала, что над дворцом правителя Дания взошел кровавый рассвет и вся жизнь города теперь пойдет по другому, а прошлые беды и несчастья покажутся милыми шутками судьбы по сравнению с той безысходностью, в которую погрузит беспечный солнечный город упавшая на него тень орла.

Ритул занимался делом, к которому у него не было ни малейшей охоты. Впрочем, так было почти всегда, и удр к этому привык. Тень Орла выделил три десятка рабов, чтобы, как выразился этот маленький, умный и злой человек, «очистить дворец». И с самого утра рабы-мужчины и женщины с тупо-покорными лицами сначала копали посреди фруктового сада огромную яму, а потом стаскивали туда вперемишку людей и собак.

Здоровенные зверюги с мощной грудью и большими, с палец толщиной, кривоватыми клыками даже мертвые внушали Ритулу мистический страх. Он не поверил в басню об их происхождении, которой охотно поделился местный повар, но сейчас был вынужден признать, что эта жутковатая история не лишена смысла. Псов изрубили в кровавую кашу, но челюсти их были каменно сжаты и из пастей злобных демонов торчали лоскуты одежды, куски человеческой плоти и даже клочки железных кольчуг. Собачьих трупов было ровно пять десятков – Ритул сам их пересчитал два раза (первый раз получилось сорок девять), уж больно велик был его страх встретить в коридорах дворца жуткую тварь. Он отдал было приказ отделить всем мертвым псам головы, но давать сабли рабам – дураков не было, а наемники Ритула жела-

ния поработать мясниками на такой жаре не проявили. То есть, чтобы выполнить задуманное, Ритулу пришлось бы обезглавить все пять десятков собачьих туш собственноручно... И он, скрепя сердце, отменил приказ.

Погибших в схватке с собаками воинов Тени Орла скидывали в ту же яму. Оставшиеся в живых ворчали неодобрительно, но Ритул отговорился тем, что лишь исполняет прямое указание Тени.

Правду говоря, одного человека ему хотелось похоронить если не со всеми должными почестями, то хотя бы без надругательства, и он без устали рассылал рабов, грозя спустить кнутом шкуру со спины... но тела Франгиз, жены правителя, так и не нашли.

Человек спускался вниз. Лестница была старой, ступени крошились под ногами, обутыми в тяжелые кожаные сапоги, на плечах его лежал плащ настолько чистого белого цвета, что в подземелье от него становилось светлее. Впереди шел полуголый раб, втянувший от страха голову в плечи. Подсвечивая Тени факелом, он прислушивался к тяжелым шагам сзади, не решаясь обернуться. Темный взгляд его нового хозяина отчего-то ужасал раба. Лестница кончилась. Раб воткнул факел в железное кольцо в стене и замер, глядя в пол. Господин прошел мимо, не заметив или не сочтя нужным заметить раба, и тот перевел дух.

Господину не пришлось пригибаться, чтобы не задеть низкую притолоку, он был на целую голову ниже любого взрослого мужчины, а Ритулу не доставал до плеча. Но это не мешало Тени Орла высоко держать голову.

Он не стал спускаться к пленнику, а остановился на пороге, чтобы смотреть на высокого Дания сверху вниз. Тот поднял голову. Некоторое время они смотрели друг на друга в молчании, словно стараясь понять, что за человек его враг, можно ли с ним говорить, в чем его сила и слабость. Тень Орла закончил свои наблюдения первым. И то сказать, он торопился, десятки важных государственных дел ждали его за порогом, а Данию спешить было абсолютно некуда. Он уже, что называется, приплыл.

– Теперь в Акре правлю я, – произнес Тень, не торжествуя и не злобствуя, просто называя факт.

– Тень Орла? – улыбнулся Даний. Немного было веселья в этой улыбке, но она все равно задела низкорослого захватчика.

– Так меня зовут, – подтвердил он, – твои бывшие подданные быстро выучат это имя и забудут твое.

– Но тень не может править, – улыбка Дания стала шире, – это лишь другая сторона света, она не имеет ни плоти, ни воли, ни силы.

– Разве ты еще не убедился, что я имею и то, и другое, и третье? – Тень Орла спустился на одну ступень. Теперь они с Данием сравнялись ростом и смотрели в глаза друг другу.

– Значит, ты не тень, только и всего.

– Что ты хочешь этим сказать, ничтожный правитель, не сумевший удержать власть?

– Думаешь, у тебя это получится лучше? Ты явился из темноты, как вор, и взял то, что тебе не принадлежит, но народ Акры не любит воров. Еще меньше их любит знать. Ты не знаешь этого города, а он не просто дома и люди. Я правил здесь пятнадцать лет – просиди на шатком троне Акры хотя бы год, тогда мы с тобой сможем говорить на равных. Сейчас ты мне, прости, скучен.

Глаза Тени Орла зло сощурились.

– Я взял лишь то, что принадлежит мне по праву. Это мой город и мой трон!

Даний непритворно зевнул.

– Я прямой потомок того, на кого упала тень орла, кто голой рукой взял горячий пепел и не обжегся. Я избран богами!

– Ну так попробуй убедить в этом тех, кто сидит внизу, но не прочь подняться повыше.

– Этого я не боюсь, – Тень Орла посмотрел на Дания с нескрываемым превосходством, – мои люди спят, не раздеваясь и не снимая кольчуг.

Внезапно Даний рассмеялся:

– Знаешь, о чем я думал прошлой ночью? – пояснил он. – О том, спят ли МОИ люди вообще...

– А в это время они видели десятый сон, – едко усмехнулся Тень, – все до единого.

– А кто выпустил собак?

Против воли захватчик вздрогнул. Псы Дания, даже мертвые, внушали ужас не одному Ритулу.

– Стражники – это еще не вся Акра, – после паузы проговорил Даний, – это даже не сотая часть. Я правил здесь пятнадцать лет, но я не видел всей Акры. Твой предок устраивался здесь на века, но однажды ночью ему пришлось бежать. Я старался жить в мире со всеми, но угодил в собственную темницу... Пройдет время, совсем немного времени, и ты, высокомерно утверждающий свое хозяйское право, поймешь, что у Акры нет и не может быть хозяев. Скорее она отдаст себя морю и скроется под водой, чем позволит кому-либо решать свою судьбу. Вот когда ты это поймешь, когда перестанешь спать по ночам, когда бросишь львиную долю своей власти под ноги пришлым еверам, когда ты научишься любить проклиная и проклинать любя, вот тогда я соглашусь, что ты видел Акру. Но я не скажу, что ты ее знаешь.

– Замолчи! – в полумраке глаза Тени сверкнули, словно он и впрямь был птицей. – Теперь ты мне скучен. Я сожму твою Акру в кулаке, как лимон, и из нее потекут кровь и золото. Завтра! Я вернусь сюда и ты должен быть готов! Ты поедешь в город как всегда, только теперь тебя будут сопровождать не твои вечно сонные стражники, а лучшие воины в мире, мои воины. Люди должны видеть, что ничего не изменилось.

Даний понимающе кивнул.

– Неглупо. И может пройти. По крайней мере, на первое время. Ты ждешь подхода резервов? Но тогда, Тень Орла, тебе придется стать моей тенью.

Черная ярость затопила сознание Тени. Он метнулся вниз, сшиб Дания с ног и, не помня себя, принялся избивать его кулаками, ногами, коленями. Он рычал и сдавленно ругался, а у стены снаружи корчился от страха мальчик-раб.

Правитель Акры не проронил ни звука, даже не застонал.

Тень Орла выскочил из темницы, позабыв про факел и про крошащиеся ступени.

Даний очнулся, когда услышал всхлипы.

– Ты кто? – удивился он.

– Мессант, – всхлипнул мальчик, – Тень Орла забыл меня здесь. Я боюсь идти наверх.

– Не бойся, – усмехнулся Даний, – ему сейчас не до тебя... Мессант, – позвал он, когда перепуганный мальчик перестал всхлипать, – ты ничего не слышал о госпоже Франгиз?

Но ответа правитель не дождался. Вероятно, раб поднялся-таки наверх.

Тень Орла всегда окружал полумрак. Казалось, этот сильный и властный человек и впрямь верит, что свет обладает над ним властью и может его рассеять. Стоял яркий южный день, но плотные ставни закрывали окна, а на низком столике горела лампа. Тень Орла снял белый шлем и бросил его на резное кресло. Он был недоволен своей вспышкой, мрачен и зол. У избитого до полусмерти Дания были все основания чувствовать себя победителем. Потому что он сделал то, что никому не удавалось уже очень давно. Он сумел напугать Тень Орла.

Новый правитель Акры вытянул перед собой левую руку с растопыренными пальцами и долго смотрел на толстое золотое кольцо с изумрудом. Потом подцепил камень, приподнял его и повернул на восход. Один раз.

– Звал, хозяин? – Низкий грудной голос необыкновенно мягкого тембра прозвучал очень тихо, но наполнил собой всю спальню.

Тень Орла обернулся.

В кресле, куда он бросил свой плащ, сидела женщина: молодая, стройная, но не хрупкая. Плечи незнакомки, белые руки с маленькими, хорошей формы кистями, дышали силой. Гостя явилась к нему в мужской одежде, длинной и плотной кольчуге, из-за плеча выглядывала крученая рукоять меча, и Тень Орла не усомнился, что ее нежная рука отлично управится с оружием. Но шлема она не носила, по холодному железу кольчуги струились пышные прямые волосы, такие светлые, что в темноте они казались седыми. Она смотрела на Тень большими изумрудными глазами и терпеливо ждала.

– Все случилось, как ты предсказывала, – проговорил мужчина, сдерживая желание шагнуть к ней и как следует встряхнуть. Он не был уверен, что так можно обращаться с дочерью бога, хоть она и звала его хозяином. Впрочем, держалась она совсем не как служанка. – Я занял Акру и потерял всего семерых воинов.

– Я не дельфийский оракул, – возразила светловолосая воительница, – и не занимаюсь предсказаниями. Я лишь даю советы. Итак, мой совет тебе пригодился. Чем же ты недоволен?

– Я еще не правитель. Связанный и брошенный в тюрьму Даний больше правитель, чем я. Мне приходится стоять за его плечом...

– Отличная позиция, – женщина улыбнулась холодной улыбкой, ее яркие зеленые глаза на мгновение вспыхнули и стали видны вертикальные зрачки. – Ты можешь править, не опасаясь недовольства подданных, в случае ошибки их гнев обрушится на другого. С другой стороны, ты можешь не бояться бунта: друзья правителя знают, что над ним занесен твой меч, и остерегутся. И в любом случае, как бы не повернулась судьба, между тобой и смертью стоит еще одно тело, одна душа. Если Даний умрет загадочной смертью, это будет тебе сигналом, что враг совсем близко.

– Но неужели я должен терпеть насмешки этого жалкого человека? – взорвался Тень Орла, – он открыто издевался надо мной, а я не мог его придушить!

Светловолосая пожала плечами. Страсти Тени были недоступны ее холодному уму, она не знала никаких чувств, в том числе и гордости, и рассматривала лишь недостатки и преимущества. Светловолосая была бы великолепным шахматным партнером... если бы кто-нибудь догадался предложить ей партию в шахматы. Но она и так не скучала, двигая людей, армии и торговые караваны.

– Ты хотел власти, – сказала она, – и получил власть. А почести достались другому. Это была моя цена за совет, и ты согласился платить.

– Исчезни!

Тень махнул рукой и отвернулся.

Из темноты показалась другая невысокая фигура. Эта девушка была моложе и стройнее, кольчуга и меч только подчеркивали ее женственность. Овальное лицо с тонкими правильными чертами белело в рамке черных шелковистых волос, уложенных в сложную прическу. Кошачьи глаза тлели во тьме не ярче, но пронзительней, чем у сестры.

– Хозяин, ты хочешь стать воистину царем? – Светловолосая говорила холодно. Голос этой был тих и вкрадчив. Он не резал, а обволакивал, не убеждал, а соблазнял. Даже, можно сказать, совращал. – Нет ничего проще. Женись на Франгиз.

– Ее придется поискать... Если она вообще жива, – буркнул Тень, – Ритул ее не нашел.

– Она жива. И найти ее можно. Франгиз не так уж и далеко.

– Где?!

– Ты готов жениться на ней? Это – цена моего совета. – Темноволосая чуть приоткрыла губы в улыбке и сделала пальцами жест, как будто и разговор их в полумраке спальни, и ее совет, и цена за него были мелочью, не стоящей внимания... во всяком случае, по сравнению с ее улыбкой. Черноволосая была ошеломляюще красива... Но зрачки ее тоже были вертикальными, и в ней тоже текла кровь богов.

– Зачем мне чужая жена? – спросил Тень.

– Франгиз принадлежит к очень древнему и многочисленному роду. Дом ее могуч. Одиннадцать властителей, ее родичи, поддержат тебя в борьбе за трон. Франгиз в близком родстве со всеми знатными родами Акры и близлежащих земель. Из ее рук ты получишь союз с самыми богатыми и уважаемыми семьями. Из ее рук и Даний когда-то получил власть... А ты не знал этого?

– Ты хорошо придумала, – буркнул Тень Орла, – жениться, чтобы стать послушной пешкой в руках жениной родни.

– Любой поступок имеет свою цену, – вкрадчиво проговорила черноволосая. – Даний заплатил ее и до сего дня не жалел об этом. А может, и сейчас не жалеет. Ты его как-нибудь спроси. Когда поедешь в город, выглядывая из-за его спины...

– Исчезни!

Тень Орла махнул рукой, и черноволосая шагнула во тьму, сливаясь с ней и растворяясь в ней.

Над огоньком медной масляной лампы дрожала оранжевая дымка. И прямо из нее, из пламени шагнула в покои третья воительница: порывистая, смеющаяся, с растрепанной гривой огненно-рыжих волос. Она единственная никогда не звала его хозяином. Она выбрала другое обращение:

– Не слушай их, воин. Они зануды! У меня иногда сводит скулы от их разговоров. Ничего удивительного, ведь я слушаю их уже три тысячелетия!!!

Тень Орла невольно улыбнулся. Рыжая казалась юной, ее глаза светились задором.

– Ты хочешь стать правителем – так стань им! Убей Дания и Франгиз.

– Твои сестры говорили, что у каждого их совета есть своя цена. Цена этого – война.

– Ну да. Конечно. А разве ты не воин? – Рыжая сверкнула белозубой улыбкой. – Ты можешь выиграть эту войну, и тогда никто не посмеет оспаривать твое право на трон Акры. То, что ты возьмешь сам, тебе ни с кем не придется делить.

– Кроме тебя.

– Но ведь я же на твоей стороне! – Она снова рассмеялась, словно жизнь забавляла ее как посещение лавки ювелира.

Ее логику Тень не мог понять никогда. Казалось, ее и нет вовсе, есть только страсть... Он догадывался, конечно, что рыжая дочь бога возрастом в тысячелетия на самом деле взвешивает бриллианты своих улыбок, как заправский ростовщик, и ни за что не продешевит, как и любая из ее сестер... вот только устоять перед ней было почти невозможно.

– Исчезни, – в третий раз повторил Тень Орла, но на этот раз без раздражения. И повернул изумруд на закат.

Морок рассеялся. Он был один. Но в голове его по-прежнему звучали три голоса: холодный, вкрадчивый и обжигающий.

«Возьми власть, отдай славу!»

«Возьми славу, отдай власть!»

«Возьми все!»

Голос задорной рыжей воительницы упал в него, как искра в солому. Тень не заметил, как в душе разгорается опустошающий пожар.

В закатной дымке плясали солнечные лучи. Отражаясь от рябой поверхности моря, они выстреливали вверх, пронзая плотные толщи облаков, и падали вниз, сплетая меж морем и небом тончайшую золотую сеть. Легкий бриз сочился сквозь солнечную паутину, слегка заливая ее прозрачными пальцами, и рождая легкую, как вздох, музыку. Солнце, рыжее и улыбающееся, опускалось за острые пики гор на западе, оставляя Акру на милость ночной темноты.

Порт был велик. Но сейчас на рейде стояло всего около полусотни судов. Необычайно мало для крупного торгового города. Некоторые из них медленно, с явной неохотой двигались к причалам.

В самой бухте, в легкой волне покачивались крепко привязанные лодки рыбаков, охотников за крабами и ловцов жемчуга. Тут же стояли торговые корабли, несколько легких парусников с треугольными парусами, они были очень удобны в теплых морях, где дули высокие и тихие ветры.

Но лучшее место заняли девять двадцативесельных галер: черных, грозных, чужих, с парусами, которых давно уже не видела вольная Акра... и предпочла бы обходиться без таких гостей, пока восходит над миром солнце и даже еще дольше. Да вот не всегда случается то, что мы хотим. И чужие корабли стояли посреди залива как у себя дома, всем своим видом показывая, что в ближайшее время они уходить не собираются.

В порту, меж лодочных сараев, канатных мастерских и ремонтных доков лежала непривычная тишина. Не стучали топоры плотников, не суетились торговцы, холодом веяло от потухших мангалов. Куда-то подевались и портовые «красотки» с их неизменными ковриками.

Порт был залит кроваво-красным цветом заходящего солнца, но улочки, расходящиеся от него вглубь города, казались темными провалами, где чутко дремали тени, укрывшись, как одеялами, выцветшими полосатыми тентами, натянутыми от крыши до крыши.

По обе стороны улочек располагались лавочки с наглухо закрытыми в этот час дверями и ставнями. Яркие, замысловатые, а иногда и не совсем приличные вывески (например, голая по самое колено нога над мастерской башмачника), созданные чтобы украшать город и завлекать покупателей, перекосил ветер, но хозяева не озаботились их поправить. На крыльце одной из лавчонок, давно не метеном, спала тощая облезлая собака и вздрагивала во сне.

Улочки уступами поднимались вверх. Здесь, в глубине города, жизнь еще теплилась. Лавки открывали свои двери, но предприимчивые и осторожные купцы тут же перегораживали вход тяжелыми прилавками. Торговля велась прямо с крыльца и предметы ее не могли не вызвать удивления: прохиндейского вида человечки в обносках явно с чужого плеча настойчиво предлагали редким прохожим ломаные и погнутые гвозди, чесальные гребни, у которых не хватало зубьев, и колотые ступки.

В городе поселились страх и недоверие.

По улочке широким уверенным шагом прошли воины из новой гвардии правителя. Они держались с хозяйским высокомерием, но рук от рукоятей мечей не отнимали и не ходили меньше, чем по трое, чтобы в случае стычки сразу «замкнуть треугольник», прикрывая друг друга спины.

Едва миновал «патруль», от влажной стены домика мелкого чиновника отделились серые тени и двинулись следом, стараясь не шлепать босыми ногами по липкой грязи пополам с помоями, как-то удивительно быстро запакосившими чистый и аккуратный город. Узкая полоска быстро гаснущего неба временами совсем исчезала из виду, когда крыши близко стоящих домов смыкались над головой. Пахло дымом, немытой посудой, сырым бельем, брошенными жилищами... Бедой пахло в Акре.

– Здесь, – определила одна из теней, останавливаясь перед окнами на вид брошенной лавочки.

Впрочем, вид мог быть обманчив. Жители Акры прятались. У некоторых хватало изобретательности даже заколотить двери снаружи и выбираться на свет через кухню, так что брошенная лавочка могла на поверку оказаться очень даже жилой.

Откуда ни возьмись появился глухо звякающий сверток мешковины, перевязанный бечевой. Его тут же распутали, похихикивая зло и без веселья.

Римас уже лег было спать, но некоторое время назад его грубо подняли. В дверь уверенно постучали, похоже, рукоятью меча, и Римас счел за лучшее впустить удров. Они остановились у порога.

Жена Римаса, немолодая, полная и не слишком умная женщина жалась в углу, поглядывая на воинов с испугом.

– Римас, торговец шерстью? – бесстрастно произнес один из северян, видимо, главный в этой компании, обшаривая спальню хозяев внимательным взглядом.

– Господин прав, – осторожно подтвердил Римас, пытаясь понять, что за очередная напасть нагрянула к ночи и приблизительно определить ее размеры, – уже почти сорок лет торгую шерстью и пряжей в благословенной Акре, господин, и никто ни разу не жаловался, что старый Римас подсунул плохой товар или взял с покупателя лишних денег. Мою пряжу заказывал сам господин Арджен для прислуги дворца правителя, и госпожа Франгиз... – Римас осекся и замолчал на одно слово позже, чем следовало бы.

Пропавшую неизвестно куда жену Дания старались не вспоминать при чужаках. Ради ее поисков и так вывернули наизнанку всю Акру. И совсем-таки лишним делом было наводить суровых воинов на мысль, что мелкий торговец... ну хорошо, крупный торговец может быть близко знаком с этой государственной пропажей, что-то знать о ней или, спаси Хальба, прятать. За такие вещи при новом порядке можно было угодить в темницу, и даже запросто. Но воин не заметил оплошности торговца. Или не счел нужным заметить.

– Где твой сосед, евер? – спросил он.

– Какие вещи спрашивает господин?! – Римас всплеснул руками. – Откуда мне знать за соседа? Может, еще на базаре, а может, до порта пошел, за товаром... Хотя до порта уже поздно. Ну, может, до кабачка Левконои...

Воин нехорошо прищурился:

– Ты лжешь, старик. Твоего соседа уже три дня нет на базаре. И дома его нет. Где он? Тоже сбежал?

Римас воздел руки в притворном усердии:

– Видит Единый!... Не знаю, где сосед. Давно его не видел. Бог знает, сам тревожусь за ним, как за родным братом.

– Хватит, – оборвал его воин, – то, как вы, еверы, держитесь друг за друга, достойно восхищения. Правитель сообщил что каждому, кто донесет о евере, который собирается бежать, из казны отсыпят сто золотых монет. Прошло двадцать дней. За это время в городе осталась едва ли треть торговцев, но эта треть молчит, словно воды в рот набрала.

Римас настороженно молчал, ожидая, какой очередной неприятностью закончатся рассуждения воина. Неожиданно тот смолк, словно споткнулся.

– Значит, не знаешь, где сосед? – спросил он.

– Не знаю, – твердо повторил Римас.

– Хорошо, – покладисто согласился воин, – не знай дальше. Но налог будешь платить за двоих: за себя и за соседа. А если еще какой-нибудь торговец сбежит в Сем из-под носа правителя, и ты, старая лиса, промолчишь, я лично застегну на тебе железный ошейник.

Чужаки вышли, хлопнув дверью, и, спустя мгновение, со двора послышался недовольный тоскливый рев. Старый Римас сообразил, что новые воины правителя уводят осла, но выйти не посмел.

Обиженный крик ослика уже давно стих, а Римас все сидел, обхватив голову руками. Мысли его были невеселыми.

– Сиди не сиди, цыплят не высидишь, – буркнула жена, – только масло сожжешь. Шел бы спать. Ночь пройдет, утром станешь думать. И об осла, и об соседа.

– А стоит ли, – скривился Римас, – думаешь, они таки ушли?

– А ты думаешь, таки вернутся?

Новый стук в дверь подтвердил худшие опасения Римаса.

Этих тоже было трое. Второй патруль. Только вот рожи не совсем те – смуглые, хитроватые, со следами долгого глухого заула.

На предводителе косовато сидел шлем с заметной вмятиной, а из-под кольчуги торчали грязные ноги в коротких серых штанах. В руке «воин» сжимал внушительную дубинку.

Римас не был подозрительным человеком. Но как-то уж больно ловко сошлись в его голове эта дубинка и вмятина на шлеме.

Второй «воин» в шерстяном плаще поверх лохмотьев поигрывал увесистой гирькой на цепочке. Третьего Римас рассмотреть не успел.

– Указ правителя! – рявкнул тот, что был с дубинкой, – каждый евер должен воинов правителя обуть, одеть и накормить. Вертай, парни, сундуки!

– Да что же это творится! – заголосила женщина. – Это ж так мы когда-нибудь проснемся зарезанные в своих постелях! Что за порядки такие, как что случится, так непременно евер виноват. Придут незваные, все горшки переколотят, а потом бедному еверу платить за разбитую посуду.

– Молчи, жена, – резко оборвал ее Римас, – иначе сейчас они еще какой-нибудь указ вспомнят.

Торговец молча наблюдал за разгромом своего жилища, стараясь держаться как можно незаметнее. Перевернув вверх дном весь дом и лавку, «патруль» выбрался, наконец, на улицу и забарабанил в двери следующего дома. Никто не ответил. Двери были заперты на засов.

В щель между неплотными ставнями жена Римаса с испугом наблюдала, как предводитель шайки взмахнул дубиной и обрушил на дверь тяжелый удар. Второй азартно ломал окна, а третий стоял, лениво озирая глухую темную улочку.

Неожиданно он всхлипнул, схватился руками за живот и мешком рухнул на осклизлую мостовую. В то же мгновение «шерстяной плащ» ткнулся лбом в ставень и медленно сполз по стене, оставляя на ней влажный темный след. Главарь обернулся, скорее с недоумением, чем с испугом... и, выронив дубину, привалился к двери. В горле «удра» торчал нож.

На этот раз стукнули в окно. Всего четыре раза с долгим интервалом после третьего. Римас торопливо отпер двери, и в дом вместе с ночной прохладой просочился рыжий Танкар. Один.

Женщина, вполголоса причитая, собирала разбросанные вещи. Танкар ногой подвинул скамью и сел на нее верхом.

– Ты меня знаешь, – без всякого вступления, холодно произнес он, – я – человек мирный. Мухи не обижу. Если у меня попросить по-хорошему, я же отдам все, шо только хочешь, и даже заверну. Но когда всякие помойники вынимают из-под меня скамейку, я ведь могу и рассердиться.

Римас бросил взгляд на улицу, где только что чудом, не иначе вмешательством справедливых богов-защитников нашли свой конец обидчики мирного торговца. Оглядел свое собственное жилище после погрома. Сгорбленную над черепками жену...

– Да нет, у тебя много терпения, – вздохнул он, – вся нижняя Акра только и ждет тот день, когда ему сделается конец. Люди говорят, Танкар не всех нас любил как родную маму, но по три раза за ночь из постелей не вынимал.

– Я тебе шо скажу, Римас, – перебил Танкар, – ты будешь смеяться, но я таки скажу: шобы сделать дело, нужно иметь денег. Шобы сделать большое дело, нужно иметь больших денег. Шобы ничего не делать, нужно иметь очень больших денег. У тебя есть больших денег? – Он встал. – Не говори мне, шо Танкар стал тряпкой. Умей терпеть. Со дня на день появится северянин, и тогда мы будем иметь варенье абрикосовое без косточек.

Запустив руку за пазуху, он выудил увесистый кошелек и положил на край стола. В кошельке что-то интересно звякнуло.

– Дашь им все, шо они хотят, шобы были довольны и не имели кислых рож и мрачных подозрений, – велел он и криво улыбнулся. – Если враг поджег дом, глупец хватает деньги,

женщина – побрякушки и только мужчина хватает за горло своего врага. Останемся мужчинами, Римас.

Из дома торговца шерстью Танкар ушел уже под утро, когда полоска неба над крышами стала серо-розовой, а с моря приползла прохлада. Он шел без особой цели, сворачивая под низкие арки, пересекая кривые проулки, изредка выбираясь на простор маленьких круглых площадей.

Легко было просить Римаса терпеть, легко было сказать «все будет»... Новый советник правителя поступил умно. То есть, если бы он задался целью разорить Акру и пошел к цели кратчайшим путем, он не выбрал бы лучшей дороги.

Каменоломни Акры, тайные тропы вольных торговцев, по которым двигался беспоплиный товар – живая кровь города, перестали быть удобными и безопасными. Сто монет – большие деньги, а именно столько платил Тень Орла за каждый указанный ход. И тем не менее, предателей нашлось немного. Тогда Тень прибег к испытанному способу всех завоевателей: казням и пыткам. Можно выдержать боль, если жилы вытягивают из тебя. А если заложниками становятся жены, дети, старые родители и любимые сестры? Трехсотлетняя клятва молчания не спасла нижнюю Акру. Третью выходов была уже засыпана. Каждый день вереницы невольников под охраной чужаков выгоняли за город – и к ночи количество свободных ходов сокращалось еще на два, три, пять... И кто знает, сколько их останется, когда в Акру вернется Йонард. Есть ли ему смысл возвращаться.

Когда Танкар остановился на пороге крытой соломой лачуги, уже рассвело. Он не знал, как и почему оказался там, но дверь гостеприимно распахнулась, и Танкар оказался в полу-темной мастерской башмачника.

Низкая скамья, обрывки кожи, кувшин с водой и подсохший хлеб – вот и все, что он увидел в жилище старика.

– Я ждал тебя, – тихо сказал хозяин и жестом указал на скамью.

Танкар отодвинул кривой нож и обрезки ниток и сел, настороженно разглядывая хозяина. Вся Акра звала его просто – Старик. Никто не знал ни его имени, ни сколько ему лет, ни где его родина. Старика окружала завеса мрачной тайны. Поначалу, когда он только пришел и поселился в этой полуразвалившейся лачуге, охотников проникнуть за эту завесу было много, но все они потерпели поражение. Старик оставался непроницаемым, и с течением времени охотники до чужих тайн как-то повывелись. Старика побаивались, считая, что он колдун, но никаких магических действий за ним не наблюдалось: не слетались по ночам к его окну рогатые демоны ростом с гору, не вырывались сквозь щели в ставнях огненные сполохи, не выли на пороге собаки. Башмачник жил тихо и обувь делал удобную и легкую. И совсем недорого.

– Ты сказал, шо ждал меня? – вяло поинтересовался Танкар, но я не собирался к тебе.

– Не собирался, а пришел. – Старик посмотрел на него без улыбки. Ледяным холодом веяло от его темных глаз и высохшего тела. – Ты хочешь знать...

– Да. И многое.

Старик медленно качнул головой.

– Знание, оно ведь как меч, обоюдоостро. Одной стороной лезвия оно может поразить врага, другой – тебя самого. Душа чиста и невинна, пока не прикоснулась к знанию. Невежество избавляет от выбора, а значит, и от ответа за выбор.

– Согласен, – кивнул Танкар, – и все же я хочу знать.

Глубокие глаза старика скрыли тяжелые веки, и все лицо его, миг назад такое живое, сделалось вдруг похожим на древнюю маску.

– Спрашивай, – велел он.

– Откуда пришел тот, кто именует себя Тенью Орла?

– Издалека. Дом его в снегах Исландии. Но не потому в душе его холод... Все еще хочешь, чтобы я говорил?

Танкар кивнул и Старик продолжил:

– Он зовет себя Тенью, и он действительно тень. Он скрывается в темноте не потому, что не любит света, а потому что боится его. Тень Орла хочет быть хозяином Акры, но он давно уже не хозяин даже самому себе. Слуги, за которых он отдал человеческую способность радоваться солнцу, уже давно подчинили его себе. Они только говорят, что готовы служить. На самом деле они приходят, чтобы повелевать. Я знаю. Я слышал их шаги. И море... Море протянуло им руки. Каждую ночь оно шепчет им приветствия на своем, неведомом людям языке. Я не ошибся. Сотни лет прошло с тех пор, как я слышал этот шепот в последний раз, но я не смог забыть...

– Сотни лет? – в изумлении переспросил Танкар.

– Посмотри на меня. – Голос Старика прозвучал повелительно, и Танкар не посмел послушаться. – Разве такие отметины оставляет время? Оно уродует лицо морщинами, крошит зубы и отбирает силу, но время не может поселить в глазах и в сердце такой холод. Холод, от которого не избавиться даже у огня, который не может выгнать даже здешнее щедрое солнце... Нет, торговец, это не время. На такое способна только вечность.

– Я родился, – продолжал Старик, – еще до того, как Бальдр привел сюда корабли. Я видел Евру единой и свободной, видел ее распад. Предсказано, что когда-нибудь я увижу ее возрождение, но это будет нескоро. И тебе ведь интересно не это.

Тебе трудно в это поверить, но когда-то я был молод. Боги дали мне горячее сердце и неистовую душу. Я много бродил по свету и однажды нашел то, что лучше никогда не находить смертному. А уж если нашел – немедленно выбросить вон. Но я был глуп, и потому – бесстрашен. Я хотел слишком много и сразу, и зеленоглазые демоны легко поймали меня. Так же, как сейчас они поймали Тень. Как до этого поймали множество глупцов.

– Кто они? – со странной неуверенностью спросил Танкар.

– Дочери бога глубин Посейдона и Зеи, королевы змей. Союз их был недолгим, но принес ядовитый плод... Впрочем, что еще можно ждать от змеи, пусть даже от змеи в короне. Говорили, что за свою любовь Зея попросила бога о странном даре. Ей приглянулся его левый глаз.

– И Посейдон отдал свой глаз? – усомнился Танкар.

– Каждый мужчина хотя бы раз в жизни отдает женщине сердце. А чем глаз хуже?

– Действительно, – хмыкнул Танкар, – уж лучше глаз. По крайней мере, их два. И что было дальше?

– То, что должно было быть. Она родила трех зеленоглазых дочерей, наделила их хитростью и коварством, как любая змея. Поселила их в большом зеленом камне – левом глазе их отца... И, как любая женщина, однажды потеряла камень. А какой-то невезучий сын смертного нашел.

– Чем они опасны, Старик?

Башмачник одобительно взглянул на Танкара:

– Силой моря и коварством змей, – исчерпывающе ответил он. Танкар молчал, никак не реагируя, и даже вроде не был сильно потрясен. Только сильно заинтригован. И Старик развернул ответ: – Каждому, кто попадает в их сети, они говорят, что готовы служить. И они действительно служат. Они дают советы, часто очень мудрые и полезные. Но за каждый совет они назначают свою цену.

– Это выглядит как вполне честная сделка, – заметил Танкар.

– Да. Цена никогда не бывает слишком высокой. Обычно человек недолго колеблется и соглашается заплатить. Но каждый раз цена чуть больше, чем ты можешь заплатить, и поэтому ты все время в долгу. А потом наступает расплата, и ты видишь, что все, что ты получил, не стоило того, что ты отдал. Но пока Тени Орла далеко до расплаты и он не видит, что обречен. Дочери бога держат его крепко. И до тех пор, пока Тень Орла владеет камнем, ты не сможешь его победить. Он всегда будет опережать тебя на шаг.

– Я могу попытаться освободить его от камня.

– Нет, – покачал головой Старик. – То есть, попытаться ты, конечно, можешь. Но знай, что в ту минуту, когда тебе пришла в голову эта мысль, дети Зеи уже узнали о ней. Они не оставят очередную жертву, пока та не заплатит Главную цену.

– Жизнь? – предположил Танкар, ежась под неподвижным взглядом башмачника.

– Или смерть, – спокойно договорил тот. – У некоторых хватает ума отдать жизнь. А я – ошибся. И получил по заслугам. Вечные скитания, вечный холод, вечное одиночество. Пока зеленоглазые демоны не сжалятся... Но разве змеи умеют жалеть? И, тем более, не умеют боги.

– Непобедимые, – проговорил Танкар, словно пробуя слово на вкус, и улыбнулся своей особенной, кривоватой улыбкой, показывая выбитые зубы. – Прости, Старик, но я не верю в непобедимых.

– И правильно делаешь, – кивнул тот, – непобедимых не существует. Но не всякого врага можешь одолеть именно ты.

Улыбка Танкара стала еще шире.

– Верно, – кивнул он, – но ты забыл о главном. Я не один.

Глава третья

Приливный вал, разбитый узкой каменистой косой, облизывал близкий берег и бережно, несильно подталкивал к нему «Ястреб». Йонард стоял на короткой носовой палубе. Под его ногами она поднималась и выгибалась, чтобы закончиться прекрасно исполненной головой хищной птицы с полураскрытым клювом и яркими черными глазами, не выточенными, а выплавленными из особым образом обработанного песка, который после хитрых действий, больше всего напоминавших магический ритуал, приобретал все свойства драгоценного камня, в том числе и его красоту. Между носом и кормой можно было сделать шестьдесят шагов, а от одного борта до другого почти десять. «Ястреб» был собран из толстых дубовых брусьев и шестнадцати крепких досок. Из отверстий в бортах выступали широкие лопасти весел. Гребцы сидели на поперечных скамьях в открытой, средней части «Ястреба» и мерно сгибали-разгибали спины, подчиняясь ударам в медный диск, которые четко, через равные промежутки времени наносил Гокх. На большинстве кораблей места гребцов занимали рабы, и к ним полагалась еще пара надсмотрщиков с быстрыми кожаными кнутами, утяжеленными на конце деревянным шариком или медной пластиной... Таким кнутом можно было в равной степени убить раба и поднять почти мертвого от усталости гребца, заставляя его работать. Но рыжий приятель Йонарда считал рабский труд не оправдывающим себя с точки зрения прибыли. Свободный торговец это и купец, и воин, и носильщик, и рыбак, и парусный мастер, и много кто еще, в том числе и гребец... Раб же это только раб. Дорогое имущество, которое нужно беречь, стеречь, кормить, и которому нельзя сказать: «братцы, за нами корабли береговой охраны. Если уйдем от них, прибыль будет один к трем!»... они бы этого просто не поняли. Словом, на «Ястребе» рабов не было, и на веслах сидели все по очереди, в том числе и Йонард, нынешний... так получилось – хозяин корабля. Хотя вот уж о чем он никогда не мечтал, так это о карьере мелкого контрабандиста. Но человек предполагает, а боги в это время, как известно, смеются.

«Ястреб» достался Йонарду совершенно неожиданно и за прошедшие недели германец так и не привык думать о быстроходном, послушном, действительно отличном корабле как о своей собственности. И несколькими днями раньше, когда они попали в жестокий шторм, Йонард лишь утвердился в этом.

Глядя, как волны захлестывают палубу, Йонард думал не столько о том, что может погибнуть в трех днях пути от Акры, сколько о горе Танкара. Отчего-то он не сомневался, что евер будет оплакивать именно «Ястреба», а не своего друга-германца и не потерю товара.

Кормщик безошибочно нацелился на свободный причал и «Ястреб» медленно и точно развернулся правым бортом. Берег двигался прямо на них и Йонард расставил ноги, ожидая сильного удара. Через несколько мгновений «Ястреб» ткнулся в причал, как собака в колени хозяина.

После долгого безмолвия и спокойствия морского путешествия Йонард не сразу обратил внимание на непривычную тишину и отсутствие суеты в порту. Он нацелился было перепрыгнуть с палубы прямо на берег, не ожидая, пока перебросят сходни, но тут кто-то тронул его за руку. Йонард обернулся. Это был Марах, торговец, которого Танкар отправил вместе с ним, не слишком полагаясь на деловую хватку Йонарда. Марах, действительно, оказался настоящим лисом, осторожным, в меру отважным и без меры хитрым. Благодаря ему удалось закупить в Кафе пряности, ткани и благовония почти вдвое дешевле, чем Йонард предполагал поначалу. Сейчас Марах стоял рядом и его маленькие глаза, похожие на глаза «Ястреба», беспокойно обшаривали полосу порта.

– Что? – коротко спросил Йонард.

– Их слишком много. Стражников, – пояснил он, видя недоумение Йонарда.

– И что, это плохо? Может быть, кто-то сбежал из темницы или Даний устроил, наконец, большую облаву на «помойных крыс».

– Все может быть, – согласился Марах, – но я не вижу среди них ни одного знакомого лица. И это не новобранцы, потому что они не молоды.

Марах, мрачней на глазах, наблюдал за не блещущим выправкой отрядом городской стражи, который торопился к «Ястребу».

– В любом случае, никаких законов мы не нарушаем. Беглых рабов, шелковичных червей и персидских котят на борту нет. О чуме в Кафе уже давно не слышали. Так что бояться нам нечего.

Йонард говорил уверенно, но на сердце было беспокойно. Ему и самому не слишком нравилось то, что он разглядел, еще не успев сойти на берег. В Акре явно творилось что-то непостижимое. И дело было даже не в тишине, не свойственной этому порту, да и любому торговому порту вообще. Беспокоило Йонарда что-то другое. У этого беспокойства не было имени, но германец давно научился распознавать его и доверять маленьким холодным муравьям, пробегающим под кольчугой вдоль позвоночника.

Тем временем стражники во главе с чиновником, невысоким суетливым человеком с намазанными какой-то пахучей помадой и тщательно приглаженными волосами, поднялись на борт. Йонард шагнул навстречу.

– Кому принадлежит корабль, откуда прибыл, какой груз на борту? – скучным голосом осведомился чиновник. А меж тем глаза-то у него были вовсе не скучающими.

Пока Йонард выслушивал вопрос и складывал в уме ответ, стражники успели пробежать от носа «Ястреба» к корме и обратно.

– Корабль называется «Ястреб», принадлежит мне, – уверенно ответил Йонард, – прибыли из Кафы с грузом тканей, пряностей и душистых масел. По пути нигде не останавливались, пассажиров не брали. На борту все здоровы.

Чиновник кивнул, что-то быстро царапнул на навощенной дощечке. Потом поднял голову и так же уверенно бросил:

– Приступайте.

Двое мужчин, судя по одежде, таких же чиновников, двинулись было вперед, но Йонард преградил им дорогу. «Протокол встречи» он знал хорошо. Это было что-то новенькое.

– К чему это «приступайте»? – спросил он так вежливо, как только мог.

Чиновник взглянул на него без интереса. Видимо, этот вопрос в последнее время он слышал часто и ответ выучил наизусть.

– По указу правителя третья часть всех ввозимых товаров изымается в пользу городской казны.

– Позвольте, – вмешался Марах, – я – помощник капитана. Привожу «Ястреб» в Акру уже не в первый раз, но о таком законе не слышал. Не прибавили ли вы что-нибудь от себя к словам правителя, да хранят его боги?

– Это новый указ, – терпеливо объяснил чиновник, – ты не мог о нем слышать, ты был в море. В Акре беспокойно, правитель вынужден содержать большую охрану.

– Охрану? Даний? – Йонард по-настоящему удивился. – С каких это пор правителя Акры нужно охранять от собственных подданных?

– Не от подданных, а от неблагодарных еверов, которые уже два раза покушались на особу правителя.

Чиновник говорил спокойно, держался уверенно и властно... Похоже, тут все было чисто. Новый налог, конечно, был форменным разорением, но если его и впрямь ввел Даний, то, что бы Йонард с Марахом не думали по этому поводу, сейчас самым разумным было подчиниться. И все же что-то беспокоило северянина. Что-то было не так.

– Хм, – хмыкнул Йонард, приглядываясь к чиновнику, – а сам-то ты разве не евер?

– Я?! – тот даже икнул от возмущения и торопливо оглянулся. – Сохрани меня Ахура-Мазда, Владыка жизни! Не имею никакого отношения к этим разбойникам. Мои мать и бабушка были чистокровными греками.

Что-то было не так! Вроде все было в порядке, светило солнце, они высаживались в мирном городе и стража не обнажала клинки... И все же Берг готов был поставить свою голову против гнилой тыквы, что они в смертельной опасности. Но где она!!! Йонард слушал, смотрел, даже нюхал... Вот!!! Его помощник, Марах, смотрел на стражников дружелюбно, говорил ровно, беспечно улыбаясь. В позе его не было ни малейшего напряжения, даже мышцы шеи расслаблены... И при этом потел, как лошадь. Марах был напуган!

– Допустим, – кивнул Йонард, – а что, у греков тоже принято вспоминать мать вперед отца? Простите, уважаемый, но я не вспомню у них такого обычая.

Чиновник стрельнул глазами вокруг и, понизив голос, спросил:

– Чего ты хочешь, северянин?

Йонард думал одно мгновение.

– Хочу узнать, что здесь случилось, пока «Ястреб» был в море. Но в этом ты мне не поможешь, слишком много врешь. Я забуду о твоей обмолвке... грек, – Йонард ухмыльнулся, – но сейчас ты и все остальные... греки, – улыбка германца стала еще шире, – сойдут с «Ястреба» и больше не станут даже глядеть в его сторону.

Когда толпа стражников во главе с самозванным греком покинула палубу корабля, Марах перевел дух и неодобрительно цокнул языком:

– Ты находчив, Йонард, но слишком прям. Теперь они точно не спустят с нас глаз.

– Пускай глядят на здоровье, – пожал плечами германец, – нас здесь не будет. Сейчас мы уберем сходни и уйдем назад, в море. До самого маяка. А ближе к вечеру пристанем к берегу.

– За маяком? Ты спятил, – убежденно сказал Марах, – хочешь нарваться на аркан на шею или топор в спину? Дикари побережья будут просто счастливы, такой подарок!

– Ага. Двадцать горшочков с «индийским розовым маслом» подарок что надо. На всех дикарей хватит и еще останется.

– Когда ты догадался? – поразился Марах. – Или Танкар все же сказал тебе... Но если ты все знал, зачем приказал идти в порт?

– Танат вас всех заберет! – выругался Йонард. – Ничего я не знал. И зачем Танкар мне «Ястреба» проиграл, только сейчас догадался. В горшочках «греческий огонь»? – Марах даже не кивнул, просто промолчал, и так все было ясно. При мысли, что третья или какая-нибудь другая часть «розового масла» могла попасть в казну правителя, Йонард и сам вспотел задним числом, но не менее обильно, чем Марах. – Обязательно нужно было темнить?

– Танкар сказал, человек стоящий, но нужно проверить, – оправдывался помощник.

– Проверил? Ну и как я, справился? А возьму сейчас тебя самого, обмажу индийским благовонием и сдам в казну правителя вместо третьей части... Эй, на веслах, пошевелитесь! Мы уходим.

Медленно, как жирная отяжелевшая утка, «Ястреб» отошел от берега. До самого маяка Йонард ни с кем не разговаривал.

* * *

Йонард направлялся к базару, по опыту зная, что там можно получить самые последние сведения из самых первых рук. Правда, даже боги не поручились бы за то, что эти новости точны и правдивы, но их по крайней мере было много и было из чего выбирать.

Улица полого поднималась вверх. По бокам теснились дома, сложенные из известковых плит. С каждым шагом беспокойство Йонарда возрастало, хотя по его лицу никто бы не заме-

тил, что этот крупный мускулистый воин-северянин не только озадачен, но и, пожалуй, встревожен.

«Ястреб» пристал к берегу в укромной бухте за маяком. Высадив на берег небольшой, но вооруженный до зубов отряд, Йонард и Марах обыскали территорию берега и нашли три более или менее сносных места, где можно быстро оборудовать тайники. Горшочки разделили и спрятали. После чего тщательно уничтожили следы, стараясь не меньше, чем если бы действовали во дворце китайского императора, и «Ястреб» с пряностями и шелком немедленно отошел от берега. Задерживаться здесь не рекомендовалось, если ты, конечно, не задумал покончить жизнь самоубийством в особо мучительной форме. За маяком обитали немногочисленные, но подвижные группы свирепых дикарей, почти животных. Они не имели ни малейшего понятия о письменности, знали счет в пределах пальцев на одной руке, из одежды предпочитали шкуры, а из оружия – дубину или, самые продвинутые из них – каменный топор. Где-то рядом, в одной из горных пещер, располагался идол: страшная каменная бабища с огромным животом и обвисшими грудями. Ее полураскрытый рот был постоянно обмазан липкой коричневой кашицей – загустевшей кровью неосторожных путников или моряков, выброшенных штормом на этот негостеприимный берег.

На Йонарда, оставшегося здесь в полном одиночестве, моряки смотрели как на приговоренного к казни. «Ястреб» под командованием Мараха уходил дальше, чтобы в соседнем порту обменять остальной груз на звонкую монету. Большой прибыли это не сулило, но позволяло вернуть свое, а это по нынешним смутным временам было уже неплохо.

Йонард умирать не торопился. Оставшись один, он проверил, легко ли вынимается оружие, сунул за щеку несколько сушеных фиников, глотнул воды и, сориентировавшись по сторонам света, пошел на северо-восток. Он старался избегать найденных троп и водоемов, запаса воды должно было хватить. Уши германца превратились в чуткие уши волка, они разве что не шевелились, охватывая местность спереди, сзади, слева и справа одновременно, улавливая малейшие звуки, быстро распознавая их и рассортировывая по степени опасности: обиженный рев рыси, промахнувшейся на охоте – ерунда, легкое журчание горного ручейка – серьезно! Больше четырех часов он шел пешком, не снижая скорости даже когда выбрался из опасных мест. Потом в какой-то подвернувшейся на пути деревне он украл осла. И к утру следующего дня был в городе.

Его первое впечатление оказалось верным. Что-то неладное происходило в Акре. На улочках по-прежнему кипели гам и суета, процветала торговля самым разным товаром, продавцы зазывали покупателей, беззастенчиво хватая их за руки, но эта Акра разительно отличалась от той, которую не так уж давно оставил Йонард. И, внимательно приглядевшись, он понял, чем. Та Акра была суетливой, хитрой, навязчивой, но добродушной и философски-спокойной. Теперь в повадках торговцев появилась не только нервозность, но и злоба. Несильно толкнув очередного торговца, пытавшегося навязать Йонарду совершенно ненужный ему моток тесьмы, он увидел, как глаза того полыхнули яростью, а перекошенный рот выплюнул такое, что Йонард решил было ненадолго задержаться. Но наглец скрылся в толпе, а вскоре Йонард обнаружил, что он такой не один.

Базар разочаровал германца. Еще не так давно огромный, пестрый, ошеломляюще-разнообразный, сейчас он показался Бергу маленьким и бедным. Разноцветные тенты обвисли, столбики покосились, но никто не позаботился о том, чтобы их поправить. Продавцы, наверное, отчаявшись поразить покупателей широким выбором и качеством товара, поражали несусветными ценами. Увидев костяной наперсток за две монеты, Йонард плюнул на землю и решил для себя больше ничему не удивляться. Было совершенно ясно, что настал конец мира, а значит, все может быть, в том числе и наперстки по такой цене.

Женщины на базаре почти не попадались. В основном меж полупустых торговых рядов бродили дюжие слуги и рабы с корзинками, неумело подвешенными на сгиб левой руки, и

отчаянно торговались, используя в качестве аргумента огромный кулак правой. Наметанным глазом Йонард приметил шнырявших в толпе воров и подивился их многочисленности и наглости. Внезапно одна из лавчонок с треском развалилась, товар высыпался на улицу и случилась безобразная свалка. Продавец пронзительно кричал, пытаясь прикрыть собой костяные браслеты и дешевые бусы, но какие-то оборванцы выдергивали вещи из-под растопыренных рук, тут же делили добычу, а где-то уже вспыхнула драка и повалился прилавок, накрыв грязную улицу выпавшим тентом. Городская стража словно куда-то провалилась. Впрочем, не «куда-то». Йонард подумал, что доподлинно знает, где околачиваются по крайней мере два десятка этих хорошо вооруженных бездельников.

Неожиданно послышался глухой и печальный звон. Йонард узнал его сразу, хотя именно здесь, в этом городе, ни разу не слышал. Звенели цепи.

Вскоре показались и сами невольники. Полуголые, скованные попарно, они брели, едва переставляя ноги, ослабленные то ли голодом, то ли иной бедой и, казалось, не обращали ни малейшего внимания ни на подгонявшую их стражу, ни на злобствующую толпу.

– Кто это? – спросил Йонард у молодого паренька, оказавшегося поблизости. – Что они натворили?

Германцу показалось, что юноша смотрит на невольников с сочувствием, но тот тут же рассеял «недостойные» подозрения:

– Еверы, – произнес он, как плюнул, – те, кто отказался «норы» показывать. Глупцы. Хотя б разбогатели бы. А правитель «норы» и так узнал, теперь они их своими руками засыпают. И плачут так, словно родню хоронят. Труссы! Я плакать не стану. Я лучше пойду в охрану правителя, получу меч и буду богат.

Дальше Йонард слушать не стал. Мальчишка оказался глупым и жестоким, слушать его было неинтересно и, пожалуй, противно. Он протолкался сквозь толпу и оказался на маленькой площадке. И тут ноги его словно выросли в камень.

На мощеном камнями пятачке был сколочен неширокий помост. А в середине... в середине торчал довольно-таки толстый, остро заточенный кол. И весьма примечательный широкоплечий человек с белым и каким-то плоским лицом старательно обмазывал его жиром. Рядом неподвижно застыли три стража, а между ними... между ними...

Фрим! – Йонард сдержал крик на последнем мгновении. Но, видно, старик что-то почувствовал. До этой минуты безучастный, он вдруг поднял голову и стал вглядываться в окружившую его толпу. И почти сразу наткнулся на изумленные глаза германца.

Тот сощурился, легонько, почти незаметно кивнул и потянулся рукой к мечу.

Старик энергично мотнул головой и тут же получил тычок от стража:

– Что, борода, муха в ухо залетела?

– Говорят, это вредно для здоровья.

– Ничего, сейчас Пофир тебя вылечит!

– Больше ничего болеть не будет!

Стражи заржали как кони. Кое-где в толпе их поддержали, но в основном люди молчали. Публичные казни, да еще такие лютые, были здесь не так уж часты, и жители Акры просто не знали, как на это правильно реагировать.

Йонард смотрел на старика Фрима во все глаза. Насколько он понял, тот только что запретил ему его спасать. А что же тогда, во имя всех богов, Йонард должен был делать? Ответ последовал незамедлительно. Фрим скорчил рожу, весьма похоже изобразив кривую улыбку Танкара, опустил глаза вниз и едва заметно выставил вперед два пальца. Йонард смотрел на эти пальцы, ничего не понимая. А они вдруг согнулись пополам. Всего на миг. А потом распрямились. Фрим опустил руку и лицо его приняло безучастное выражение. Йонард растерялся.

– Эй, господин! Старик подает кому-то знаки, здесь его сообщники. – Голос показался германцу знакомым, и он совсем не удивился, когда к стражнику протолкался недавно встреченный мальчишка.

– Он сделал вот так, потом вот так, – юноша повторил знак Фрима и авторитетно пояснил: – Это означает через два дня в полдень. У них много знаков, я знаю все, и если господин хочет...

Господин может и хотел. Он давно смотрел на юношу с огромным и все возрастающим интересом. Но тот хлопнул глазами, ставшими вдруг совсем детскими и несправедливо обиженными, хватанул воздух ртом и осел на грязные камни. В боку паренька, который «все знал», торчала рукоять широкого ножа. Стражник еще даже удивиться не успел, как второй нож достался Фриму. Чья-то милосердная рука избавила старика от мучительной смерти на колу.

Воины еще крутили головой, пытаясь сообразить, что произошло, потом стали отвязывать безжизненное тело, потом кинулись в толпу ловить неизвестно кого, а толпа вдруг приобрела вязкость хорошего меда, и преодолеть ее оказалось невозможно...

Но Йонарда-Берга поблизости не было. Уже после первой смерти он сообразил, что к чему, и поспешил покинуть базарную площадь, да и сам базар.

«Вот спасибо тебе, щенок, – думал он, выбираясь из торговых рядов, – вот уж удружил. Может, за это к твоему поганому рту в Мокрой Мороси ложку меда поднесут. Без тебя я бы еще неделю думал, что значат эти пальцы. Выходит, Танкар тоже схвачен? Как же этот лис позволил себя поймать? Впрочем, сейчас неважно. Значит, его тоже собираются казнить на этой же площади через два дня в полдень. И Фрим велел мне его спасти. Железный старик. Отказался от спасения, чтобы дать шанс другу! Вот только, Хрофт! Какой это шанс?»

О том, чтобы освободить негласного, но признанного правителя Нижней Акры в одиночку, нечего было и думать. Разве что прирезать, подарив более легкую смерть. «Что ж, если не останется другого выхода, сделаю хотя бы это».

Йонард наконец миновал базар и очутился на узкой улочке, ведущей вниз, к порту. Но туда ему было совершенно не нужно. Он немного подумал и свернул в первую попавшуюся открытую дверь, показавшуюся дверью кабачка. Германцу надо было подумать.

Таверна вольных торговцев «Под башмаком», куда он наведился еще утром, стояла заколоченной. Это неприятно поразило Йонарда, но только теперь он осознал степень постигшей его неприятности. Он не имел ни малейшего понятия, как найти своих приятелей. Марах, который, конечно, все знал, сейчас плыл на «Ястребе» в Пантикапей. Фрим умер на площади. Нижняя Акра для Йонарда закрыта. Танкар доверял своему другу-германцу как родной матери... другими словами, лишь до определенного предела – ни одной «норы» не показал. Его неприятно поразило это открытие, но Берг одернул себя. Обижаться будем позже, сейчас думать надо. Можно попытаться поймать первого попавшегося евера и вытрясти у него способ связи, ведь должен же он быть хотя бы на такой вот случай!.. А если первый ничего не знает? Или не скажет? Ловить второго, потом третьего? А за это время первый донесет на Йонарда страже, и он окажется вместе с Танкаром. Будут с соседних кольев перемигиваться.

Нет, любой евер не годился. Нужен был либо Наиль, либо Римас. Любой другой сделает круглые глаза и сочувственно похлопает северянина по плечу: «Какой-токой танкар-манкар, какие норы? Видно, ты, господин, по ошибке вместо одной зеленой лепешки две скурил. Ты так больше не ошибайся, а то привыкнуть можно... А помойники опять цену на свой товар подняли».

Мысли о помойниках посетили германца не случайно, они были навеяны окружающей обстановкой. В кабачке, куда Йонард случайно забрел, было сыро и пахло плесенью. Над головой, уцепившись за балки, серыми кулечками висели летучие мыши. Люди, их было немного, сидели в ряд на низкой скамье, подпирая стену и выставив на середину комнаты грязные босые ноги. На Йонарда никто не смотрел.

Это было скверное место. Любое другое было бы лучше.

«За исключением двух, – подумал про себя Йонард, – места, приготовленного Танкару, на колу и еще, пожалуй, трона благословенной Акры».

Этот кабачок был одним из немногих, в которые сам Танкар никогда не заглядывал и Йонарду делать этого не советовал. И не потому, что боялся здешней полусонной, либо полумертвой публики. Танкар вообще мало чего боялся, хоть и обожал строить из себя распоследнего труса. Но сюда не следовало заглядывать и храбрецу. Потому что нечего тут было делать герою. Йонарда занесло во владения «помойных крыс», о которых в «приличном обществе» воров, мошенников, убийц и женщин, торгующих любовью, даже говорить было не принято. Сейчас, однако, здесь не было продавцов сладких грез. Скамьи занимали страждущие. Около десятка мужчин неопределенного возраста, неряшливо одетых, сидели, привалившись к стене, и время от времени пытались заговорить, причем не друг с другом, а то ли с собой, то ли с каким-то невидимым собеседником. Наверное, с собственным демоном, который и привел их сюда, и, без сомнения, поведет дальше к веревке палача или на дно сточной канавы. Речь их была лишена и смысла, и эмоций: сухой шорох песка. Изредка то один, то другой поднимали взгляд к задернутой занавеске, скрывавшей соседнюю комнату, но никто не пытался встать, сделать несколько шагов, отдернуть занавеску или просто позвать хозяина.

Йонарду были неинтересны эти люди и их страдания, они сами решили именно так распорядиться своей единственной жизнью. Навербовать из них бойцов нечего было и думать – любой из них готов был за лишнюю лепешку гашиша и убить, и быть убитым, но точно так же и за ту же цену любой из них продал бы Йонарда вместе со всеми его планами и потрохами.

Берг уже хотел встать и уйти. Его остановил тихий и необыкновенно отчетливый голос. Здесь, в обители сумасшедших или сходящих с ума, этот голос звучал на удивление трезво и разумно. И тот, кто отвечал ему, тоже был вполне вменяем. И, тут Йонард ошибиться не мог, порядком напуган. Берг прислушался. Говорили за занавеской, причем собеседники не боялись, что их могут подслушать. Видно, за местными завсегдатаями такого не водилось.

– Он приплыл на корабле. Его ловили, но он сбежал. Больше его никто не видел.

– Что за корабль?

– Торговый. Капитан взял его гребцом, потому что у него не было денег заплатить за место на палубе. Они договорились, что он гребет до Акры и здесь сходит.

– Где его подобрал капитан?

– Где-то далеко, в Персии... я забыл название порта.

– В Арме, Синопе?

– Точно, господин! В Синопе!

– А почему его ловили?

– Никто не знает, господин.

– Так уж и никто, – усомнился голос, – тот, кто ловил, наверняка знает. Не бежал же он просто так, чтобы согреться. Не знаешь ты, но это можно поправить... Ведь можно?

– Это будет зависеть от того, насколько господину хочется знать. – Первый голос сделался вкрадчивым и наглым. Но его собеседник, видимо, не любил нахалов. Послышалась короткая возня, хрип... кого-то слегка придушили, предположил Йонард.

– Нет, – возразил второй голос, ровный и спокойный, – это будет зависеть от того, насколько тебе хочется жить. Ты меня понял?

– Да, господин, я все понял – просипел первый голос. Наглости в нем заметно поубавилось.

– Это хорошо. Узнаешь, зачем его ловили и точно ли ему удалось уйти. Держи, – что-то тихо звякнуло, – тут десять монет. Потратишь меньше, все, что сверху – твое.

– Спасибо, господин, – голос, хоть и слегка придушенный, заметно взбодрился.

– Не за что. Не узнаешь ничего, потратишь мои деньги впустую, все, что сверху – мое. А сверху только твоя ничемная жизнь. Ты меня понял?

– Да, господин.

– Это хорошо. Люблю понятливых.

Голоса стихли.

«Да, – подумал слегка заинтригованный Йонард, – а жизнь-то продолжается». Впрочем, все это хоть и было очень интересно, никак его не касалось. Он встал и вышел.

Йонарду вдруг пришло в голову, что он непроходимый глупец, и задача имеет очень простой ответ. Завтра как раз тот день, когда каждый евер должен идти в храм, чтобы помолиться своему богу.

Йонард знал, где находится единственный в Акре храм, куда завтра непременно придет Римас.

С Танкаром Йонард познакомился в портовой таверне, в славном Нимфее, откуда, по свойственной ему привычке, Йонард удирал. Евер, владелец небольшого торгового корабля «Ястреб», как раз собирался выходить и согласился взять пассажира. Он ни о чем не спрашивал здорового воина, вооруженного до зубов и даже по виду опасного. И цена, которую он заломил за услугу, лучше всяких пространных объяснений сказала Йонарду, что Танкар вполне разобрался в ситуации.

Надо сказать, поначалу Йонард был не в восторге от такого знакомства. Худой хитрющий евер, готовый рассыпаться прахом перед любым чиновником, чтобы хоть часть товара протащить без пошлины или скостить плату за стоянку, не внушил германцу ни малейшей симпатии. Но после одного случая отношения Берга к Танкару в частности и к еверам вообще в корне переменялись.

Дело было в благословенной Акре, под вечер, когда они, засидевшись в маленьком кабачке, возвращались на корабль. Только в Акре еще можно было встретить настоящий еверский кабачок.

Йонарду не нужно было объяснять, что означало это сочетание: чистые столы, белые занавески, холодная заливная рыба и крепчайший напиток двойной очистки, причем только двух сортов: дорогой и дешевый. Дорогой делали из изюма с незначительным добавлением дерьма, а дешевый из дерьма, с незначительным добавлением изюма.

Это надрывно плачущая кефара и умеренно пьяные гости, слезливо-сентиментальные, но такие хитрющие, что смотреть надо даже не в оба, а во все четыре, а лучше – восемь.

В настоящем еверском кабачке у тебя не срежут кошелек, на такие мелочи там не размениваются, но вполне могут выдернуть пол из-под ног, причем так ловко, что ты этого даже не заметишь.

Итак, они шли не слишком твердой походкой, болтая обо всем и ни о чем, когда на одной из узких кривых улочек им загородили дорогу двое. Статью они не уступали Бергу, но в чашу, судя по всему, заглядывали гораздо чаще. И сейчас явно искали приключений. Йонард был бы и не против. Он уже прикидывал, какого стоит срубить раньше, а какого оставить на потом. Своего спутника он в расчет не принял.

Не мудрствуя, двое громил предложили расстаться с кошельками мирно, что Танкар и проделал с готовностью, покоровившей Берга. И ничего грабители оттуда не вытряхнули. В кошельке евера было пусто, как в перевернутой чашке. Все деньги незадолго до этого перекочевали к Йонарду, а уж он ими ни с кем делиться не собирался. Видимо, громилы это поняли. Впрочем, хорошая драка – это было как раз то, чего им не хватало в тот вечер для полного счастья. Тем более двое на одного. И тот, что был за старшего, предложил еверу убираться «пока они добрые». Йонард совсем не удивился бы, последуй Танкар этому совету. Да и не обиделся бы, пожалуй. Однако тот не двинулся с места.

– Хочешь, чтобы у твоих детей был горбатый папа? – проникновенно спросил громила, – так я тебе это устрою, и даже бесплатно.

– Думаешь, ты меня убедил? – хладнокровно спросил Танкар и сплюнул под ноги, – таки нет.

И в то же мгновение буквально «вколотил» обоих в булыжную мостовую, причем так четко и быстро, что никто не успел схватиться за оружие.

Тяжеленькая гладкая гирилка на цепочке два раза качнулась над тихо постанывающими телами и... исчезла. Появилась ниоткуда и пропала в никуда.

– Это ж надо, какое барахло бродит по славной Акре, – тихо сказал Танкар, – прямо перед гостем неудобно.

Йонард еще переваривал происшествие, когда евер поднял голову и смерил Берга жестким испытующим взглядом. Такого взгляда не могло быть у купца, дрожащего над каждой копейкой и бегущего от собственной тени. Йонард почувствовал легкое беспокойство, сообразив, что евер что-то решает и это решение касается его.

– В кости ты играешь ловко. И не жульничаешь, я бы заметил. Просто везет тебе, Йонард из Германии. Везучий человек лишним в деле не бывает. И страха в тебе нет, от двоих не побежал... От десятерых тоже не побежишь?

– И от сотни не побегу, – вызывающе ответил Йонард, которому судьба не дала подрасться, и он был малость обижен.

– Убьют, – заметил Танкар.

– Дорого им моя жизнь встанет!

– Ты все равно заплатишь дороже, потому что отдашь все, что у тебя только есть. И взамен не получишь даже славы. Потому что тот, кто побит, даже сотней, все равно побит. А тот, кто победил, даже сотней на одного – все равно герой. Жизнь такая, Йонард из Германии.

– Дерьмовая жизнь, – отозвался Берг.

– А кто спорит, – Танкар вздохнул и очень тихо произнес: – Если ты пойдешь со мной, северянин, я познакомлю тебя с настоящими, крепкими ребятами. Черной костью Акры, ее душой и сердцем.

В тот вечер в таверне «Под башмаком», что у самого порта, Йонард познакомился со старым Наилем, тихим человеком с неистовыми глазами, забавным весельчаком Фримом, рассудительным Римасом, ловким и сметливым пареньком Наке. На вид они были простоватыми и безобидными рыбаками и торговцами, но, так грубо ошибившись в Танкаре, Йонард смотрел на них во все глаза, пытаясь определить, почему евер назвал их «крепкими ребятами». И ему это удалось.

Вино в таверне лилось рекой, но все как-то мимо Танкара и его компании, зато ни одно даже вскользь брошенное слово не миновало их ушей. Под простоватой хитростью мелкого торговца прятались цепкий ум, отвага и то самое хладнокровие, которое Йонард ценил высоко, но встречал редко. Все эти люди ходили по лезвию ножа, но, в душе презирая опасность, внешне были с ней осторожны и почтительны. Йонард поймал себя на том, что ему хорошо в компании вольных торговцев.

Ночь пролетела незаметно, а утром Йонард, еще страдая от жестокого похмелья, объявил, что остается в Акре. Пока навсегда, а там посмотрим.

Именно в ту ночь «Ястреб» и стал собственностью германца...

* * *

День уже перевалил за полдень, когда в запертое окно Римаса уверенно постучали. Дверь отворилась без вопросов, с печальной покорностью. Видно, старый евер решил, что лучше уж впускать незваных гостей, пусть хоть весь дом вынесут, но стены останутся целыми.

Увидев Йонарда, хозяин слегка удивился, но быстро взял себя в руки и крикнул жене, чтобы собирала на стол. Он ничего не спросил, а Йонард решил не объяснять, как он его нашел. В компании вольных он быстро учился не говорить, не показывать и не делать больше того, что необходимо.

– Сколько «крепких» людей ты можешь собрать к вечеру? – спросил он, опуская приветствия и вопросы о здоровье хозяина и всех его родственников по женской и мужской линиям.

Старик в раздумье потер висок:

– Я могу поручиться за троих честных торговцев.

– Трех мало, – перебил Йонард. – Согласен, пускай будут нечестные, лишь бы не трусы.

Внезапно занавеску, которая отгораживала другую половину комнаты, отдернула смуглая тонкая рука. И Йонард увидел человека, которого ожидал здесь увидеть меньше всего. Все же Римас его удивил сильнее! Громадная ладонь метнулась к мечу, но человек улыбнулся и покачал головой.

– Это – четвертый, – веско произнес старик, и Рифат, начальник городской стражи, согласно кивнул.

* * *

День был удивительно ясным. Солнце, похожее на начищенный до блеска медный щит, казалось, раскалило небосвод добела, и острые пики горных вершин вот-вот должны были оплавиться и стечь на равнину темными реками. И однако же жары не было. Легчайший, прозрачный бриз, отдающий морской солью и мокрой сетью, почти не чувствовался среди узких, похожих на ущелья улиц, но сумел принести живительную прохладу. Дышалось удивительно легко.

Умирать в такой день не стоило.

То есть не то, чтобы это стоило делать в какой-нибудь другой день. Смерть – это такое дело, которое нужно откладывать на завтра как можно дольше. Но не всегда можно выбрать свой день, и не всегда боги согласны с твоим выбором.

Танкар медленно переставлял скованные коротким отрезком цепи ноги. Охранник, светловолосый, хмурый, но, видно, не злой человек, изредка подгонял его, трогая острием меча меж лопаток, но делал это без удовольствия и старался не причинять лишней боли. Трое других шли впереди и по бокам. Иногда, когда улица становилась совсем узкой, они вытягивались в цепочку и шли, почти касаясь друг друга плечами. Танкар знал, что его ждет. Медленная и мучительная смерть на толстом колу, смазанном свиным жиром. Такую участь готовили Фриму, так должен был умереть и он – некоронованный, но настоящий властитель Акры, обладающий большей властью, чем Даний. Так решил Тень Орла. Но никто не знал, что у Танкара оставался выбор. Перед тем как заковать в цепи, его, конечно, обыскали, но Танкар только криво улыбнулся в ответ на такое рвение. Цари Нижней Акры умели так спрятать метательный нож, дротик или гирику на цепочке, что не отыскал бы даже свой брат, вольный торговец. Оружие он сохранил. Руки Танкара тоже были скованы, но в случае нужды это не помешало бы отправить в Тартар одного или двух стражей, прежде чем третий отмахнет ему голову мечом.

Так думал Танкар. А время меж тем медленно, но неумолимо приближалось к полудню. Становилось душно. Они прошли половину пути, приближаясь к базару. Ветер сюда уже не долетал, и в проулке стоял тяжелый запах нечистот. Стражники вдруг остановились и нерешительно завертели головами, вполголоса переговариваясь между собой на своем языке. Танкар прислушался. Один яростно обвинял другого, тот огрызался, а третий пытался их примирить, но без особого успеха.

Четвертый, тот, что погонял его мечом, стоял безучастно. Один из удров повернулся к Танкару.

– Слушай, – воинственность в его голосе не могла скрыть растерянность. – А где площадь?

Боги, все, сколько их ни есть на свете!!! Это было смешно. Какая восхитительная история для рассказа темной штормовой ночью в таверне «Под башмаком», когда ветер сотрясает тонкие стены и даже сквозь плотно закрытые ставни сочится темнота и доносится гул разъяренного моря. Когда корабли могут затонуть у самого берега. Когда старик Наиль, не признающий ни Единого, ни Ахура-Мазды тихо молится своим устрашающим богам, а мальчишка Наке боится лишь одного – как бы его страх не заметили. Для такой ночи это была бы, действительно, подходящая история. Жаль, что он не расскажет ее сам. Но в том, что когда-нибудь, и даже весьма скоро, она пойдет гулять по благословенной Акре, Танкар не сомневался ничуть. Такие истории не пропадают.

– Два квартала на северо-восток, потом повернете на юг, через полторы лиги снова на юг, а потом все время на северо-запад, – доброжелательно ответил он.

Удр угрожающе нахмурился.

– Ты не умничай. Ты рукой покажи.

Четвертый страж тихонько фыркнул:

– Идите вперед. Здесь все улицы ведут к базару.

Танкар оглянулся на северянина, поймал его ничего не выражающий взгляд и решил про себя, что этого он оставит в живых. Храбрых людей много. Умных – мало.

Они прошли почти два квартала, и Танкар уже начал прикидывать, как лучше использовать припрятанный нож.

Он ждал перекрестка. Не то чтобы всерьез надеялся убежать, просто по укоренившейся привычке использовать любой шанс, даже самый ничтожный. Но его руку, уже потянувшуюся к спрятанному оружию, задержала музыка. Он узнал ее. И в первый раз почувствовал что-то, похожее на страх.

Собственно, музыкой это не назвал бы даже человек, начисто лишенный слуха. Кажется, все гудящие, звенящие, скрипящие и потрескивающие предметы собрали в одно место и пустили в дело. Гром стоял такой, что удры поморщились.

– Кого-то хоронят, – определил один.

– А шумят зачем?

– Духов отгоняют. Здесь так принято.

Из-за угла показалась похоронная процессия. Впереди шел жрец в длинном одеянии и бил молотком в большой бронзовый диск, отгоняя злых духов, чтобы обеспечить умершему легкую и безопасную дорогу в Чертоги Спящих. Следом две низкорослые лошадки волокли крытую белым повозку, а рядом, рыдая и заламывая руки, брела необъятная толстуха в траурных белых одеждах, должно быть, вдова. Следом за повозкой тащилась, опустив головы, порядочная толпа убитых горем родственников. Танкар поднял голову, чтобы произнести традиционные слова прощания, но язык евера присох к губам: он узнал жреца!

В длинных развевающихся одеяниях, сосредоточенный и хмурый, вышагивал Йонард-Берг и время от времени подвывал в унисон плачущей вдове.

«Кого же хоронят?» – оторопело подумал Танкар, когда повозка поравнялась с ним.

Дальше все произошло так быстро, что Танкар едва успел сориентироваться. «Вдова» кинула метательный нож, и тот стражник, который шел первым, первым и умер. Мелькнули гирьки на цепочках – и двое других рухнули как подкошенные в грязь и нечистоты. Старик Наиль тут же перерезал горло одному. С другим справился Римас. Короткий меч, выдернутый из-под жреческой хламиды, взметнулся над головой последнего стражника, и тот встретил его своим.

– Не убивай его! – крикнул Танкар.

– Уговорил, – буркнул Йонард, – все-таки последнее желание. – И «успокоил» стражника ударом плашмя.

Повозка скрипнула под тяжестью трех трупов, одного оглушенного и одного беглого... Скрипнула, но выдержала, не зря же ее всю ночь переделывали два опытных мастера. И похоронная процессия, приостановив свой скорбный путь всего на несколько мгновений, двинулась дальше. Оружие исчезло как по волшебству. Они приближались к центру города, к базару, где в ожидании близкой казни уже толпился народ. «Вдова» выла и причитала так, что даже сердце чудом спасенного Танкара обливалось кровью. А он и не знал за своей сестрой таких способностей к притворству и впервые подумал, что муж ревнует ее не зря.

Процессия медленно подошла к городским воротам.

– Кого хороните, добрые люди? – любопытствовал стражник, подавляя зевок.

– Почтенного Танкара, торговца шерстью, – отвечивал Римас с приличествующей случаю печалью на лице.

– Жена или дочь? – страж ворот указал подбородком на женщину, которая от горя не могла идти и обвисала на руках более сдержанной родни усопшего.

– Сестра, – сказал евер сущую правду и под сочувствующим взглядом вышел за ворота.

Вслед за ним проследовала повозка, скорбящая сестра и вся процессия. Повозка в последний раз грохнула колесами по булыжнику и выкатилась на дорогу.

Йонард затянул прощальный гимн.

– Эй, может, я таки выйду и немного сам поплачу, – послышался изнутри сдавленный голос Танкара, едва повозка отъехала от города на полет арбалетного болта. – Все же мои похороны, не соседа! Я лучше всех вас знаю, какой я хороший и как по мне нужно плакать.

Он выбрался и крепко обнял Римаса, старика Наиля и Йонарда.

– Сто лет теперь проживешь, – улыбнулся Рифат.

– У-у, сто лет?! Почему так мало?

– Поторопитесь, да! – прикрикнула Вани, полная, но необыкновенно красивая сестра Танкара, большая мастерица рыдать. – Вам лишь бы языками почесать, а они сейчас опомнятся и пошлют конную стражу. Ворот-то только двое, а нижние закрыты! Я не горю желанием рыдать по тебе второй раз, по мне, так ты и одного не заслужил!

– Эй, Вани, не ворчи. Я тебе прялку подарю, – крикнул Танкар.

Скорбная процессия, все убыстряя шаг (благо смотреть было некому), докатилась до небольшой оливковой рощицы, где ждал Наке с целым табуном лохматых, не слишком изящных, но очень выносливых коней. Возвращаться в Акру им всем, включая Вани, было слишком опасно.

Глава четвертая

Ночи в этих краях волшебны! Море ночью бархатное и словно расшито драгоценными камнями звездных бликов. А если ночь лунная, то от месяца по воде тянется такая дорожка, что даже человек, не верящий в приметы, все равно зачерпнет лунной воды и изопьет прямо из ладоней, без чаши... А теплая она! Волна шевелит гальку, шепчет картаво, как будто ребенок, который еще толком не научился говорить. И ветра почти нет.

А в степи ночь! Полынь пахнет одуряюще, горьковатый запах этот, говорят, местным уроженцам, скфарнам, снится и на чужбине, а попав домой, они целуют невзрачную траву и ноздри у них раздуваются, как у их же лошадей: «То запах свободы нашей!». Ляг на землю спиной, протяни руки к звездам... Ты равен богам, потому что держишь небо на руках. Так какими словами рассказать про ночь в степи?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.